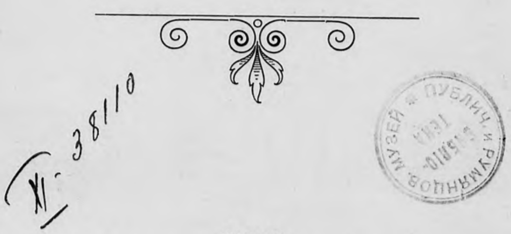
А. С. Гольденвейзеръ.

Преступленіе—какъ наказаніе, а наказаніе—какъ преступленіе.

(Мотивы Толстовскаго „Воскресенія").

Изданіе товарищей въ ознаменованіе 35-лѣтняго юбилея адвокатской дѣятельности автора.

КІЕВЪ.
Тип. Р. К. Лубковскаго, Б.-Владимірская ул., № 46. Телефонъ № 5.
1911.

Очень благодаренъ Вамъ
Александръ Саломоновичъ
за присылку Вашей статьи
и въ особенности за все то,
что Вы высказали въ ней
Левъ Толстой
5 Янв. 1905.

Обсуждая вопросъ о наиболѣе подходящей формѣ чествованія юбилея 35-лѣтней адвокатской дѣятельности глубокоуважаемаго Александра Соломоновича Гольденвейзера, мы остановились на рѣшеніи издать настоящую брошюру съ цѣлью широкаго ея распространенія.

Этотъ способъ чествованія намъ казался наиболѣе удачнымъ, ибо, съ одной стороны, онъ согласуется съ извѣстной скромностью нашего высокоталантливаго товарища, а съ другой,—способъ этотъ, лишенный шаблонной шумихи, носитъ идейный характеръ, способствуя распространенію дорогихъ всѣмъ намъ мыслей.

Всѣ суммы, вырученныя отъ продажи настоящаго изданія, поступаютъ въ равныхъ частяхъ въ кассу патроната и колоніи малолѣтнихъ преступниковъ — учрежденій, въ дѣятельности которыхъ юбиляръ принималъ и принимаетъ горячее участіе.

Распорядительный Комитетъ Кіевской консультаціи присяжныхъ повѣренныхъ и Совѣтъ консультаціоннаго бюро помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ.

Кіевъ,
ноябрь 1911 г.

Преступленіе—какъ наказаніе, а наказаніе—какъ преступленіе.

Мотивы Толстовскаго „Воскресенія“ [1]).

Есть звѣзды, отъ которыхъ свѣтъ доходитъ до насъ черезъ годы, десятки и сотни лѣтъ. Тотъ видъ, который онѣ для насъ имѣютъ, есть не тотъ, какой онѣ въ дѣйствительности имѣютъ теперь, а какой онѣ имѣли годы, десятки или сотни лѣтъ тому назадъ, когда отъ нихъ отошли свѣтовыя волны, теперь только достигшія нашего глаза. Легко себѣ представить, что на этихъ звѣздахъ свѣтъ солнечныхъ лучей, отражаемыхъ землею, точно также показываетъ видъ земли, какой она имѣла годы, десятки или сотни лѣтъ раньше, чѣмъ моментъ, въ который дѣлается наблюденіе. Но отраженный отъ земли свѣтъ, ударившись объ нихъ, вѣдь отражается назадъ и, хотя въ ослабленномъ видѣ, достигаетъ, однако, снова земли, употребивъ на это обратное путешествіе еще столько же годовъ, десятковъ или сотенъ лѣтъ. На этомъ космическомъ явленіи основана научная фантазія, что когда-нибудь при особомъ усовершенствованіи, какого достигнутъ оптическіе инструменты, мы сможемъ видѣть любое изъ давнопрошедшихъ событій на землѣ такъ, какъ бы оно происходило на нашихъ глазахъ теперь. для этого нужно будетъ лишь направить этотъ аппаратъ на такую звѣзду, отъ которой свѣтъ до насъ доходитъ за время, которое, если помножить его на два, дастъ періодъ, отдѣляющій насъ отъ намѣченнаго для наблюденія событія.

---

1) Читано въ собраніи Кіевскихъ присяжныхъ повѣренныхъ 17 декабря 1900 г.

Произведеніе это переведено на англійскій, нѣмецкій, французскій и испанскій языки (нынѣ переводится на польскій).

Хотимъ мы, напримѣръ, узрѣть, что дѣлалось на землѣ сто лѣтъ назадъ, и довольно для этого выискать звѣзду, отъ которой разстоянiе до насъ требуетъ для прохожденiя свѣта пятидесяти лѣтъ, и мы очутимся въ положенiи современниковъ этого событiя, ибо звѣзду эту мы видимъ какою она была пятьдесятъ лѣтъ назадъ, а пятьдесятъ лѣтъ назадъ она воспринимала освѣщенiе земли, какое было за пятьдесятъ лѣтъ до того, т. е. мы увидимъ послѣ отраженiя отъ этой звѣзды тѣ лучи, которые отошли отъ земли сто лѣтъ назадъ.

Обладай мы такимъ фантастическимъ аппаратомъ, было бы любопытно направить его на звѣзду, отъ которой отраженные лучи показали бы намъ картину того, что происходило въ Мадридѣ 30-го мая 1680 г. Въ этотъ день, въ ознаменованiе бракосочетанiя короля Карла II съ Марiей Луизой Орлеанской, были съ особой торжественностью, въ присутствiи коронованной молодой четы, подвергнуты сожженiю девятнадцать еретиковъ. Процессiя представилась бы намъ очень импозантной.

Впереди первый инквизиторъ изъ Толедо. За нимъ хоръ королевской капеллы, распѣвающiй Miserere, Доминиканскiй настоятель съ тремя монахами, Зеленый крестъ (эмблема инквизицiи), обтянутый траурнымъ флеромъ, Судебные чины и цензоры, Представители высшаго ученаго сословiя, Чины инквизицiи съ горящими зелеными свѣчами, Бѣлый крестъ, Служки инквизицiоннаго трибунала съ горящими бѣлыми свѣчами, Инквизиторы, Доминиканцы, Францисканцы, Кармелиты, Тринитарiи, Братья милосердiя, Босоногiе, Маркизъ де ла Вега, рыцарь ордена св. Якова, Герцогъ Мединачели, Знамена инквизицiи, Маркизъ Когулладо, Сироты, Найденыши. Въ заключенiе этой процессiи, состоящей изъ семисотъ человѣкъ, пять носителей инквизицiонныхъ жезловъ.

Процессiя достигла базарной площади. Главный инквизиторъ, несомый подъ особымъ балдахиномъ, сходитъ со своего мѣста и приближается къ воздвигнутому среди площади алтарю. Его облачаютъ въ торжественный богослужебный нарядъ. Онъ служитъ молебенъ. Затѣмъ доминиканскiй монахъ произноситъ проповѣдь на текстъ: „воспряни, о, Господи, и расточи враговъ своихъ!“. Послѣ этого читаются, постановленные инквизицiоннымъ трибуналомъ, приговоры. Каждый, чье провозглашается имя, подводится къ лобному мѣсту и запирается въ отдѣльную клѣтку. Одинъ мужчина и одна женщина при провозглашенiи ихъ имени громко молятъ о пощадѣ, каясь въ своей винѣ и изъявляя согласiе на всѣ требованiя суда. Провозглашается ихъ помилованiе съ замѣною пожизненнымъ заключенiемъ. Послѣ этого девятнадцать осужденныхъ въ своихъ клѣткахъ втаскиваются на высокiй помостъ. По одиночкѣ палачи ихъ выводятъ изъ клѣтки, подводятъ къ особымъ столбамъ, прикрѣпляютъ желѣзнымъ ошейникомъ и обкладываютъ хворостомъ и дровами. Именемъ короля бросается на помостъ первый горящiй снопъ и вскорѣ огненные языки охватываютъ всѣ столбы съ прикрѣпленными къ нимъ жертвами.

Хотя день знойный и душный, король остается на своемъ почетномъ мѣстѣ до конца. Лишь къ девяти часамъ вечера кончается въ мученiяхъ послѣднiй изъ еретиковъ. Всю ночь еще ворошатъ огонь, на утро же засыпаютъ помостъ глубокимъ слоемъ земли.

Что почувствовали бы мы, такимъ образомъ какъ бы присутствуя на мѣстѣ при этомъ давнопрошедшемъ зрѣлищѣ? Помимо ужаса и содраганiя, непосредственно насъ охватившаго, мы, навѣрно, стали бы съ особымъ вниманiемъ вглядываться въ лица дѣйствующихъ фигуръ, стараясь уловить мысли и чувства, сопровождающiя выполненiе ими столь варварскаго дѣла. Ничего подобнаго тому, что мы теперь испытываемъ, глядя на это зрѣлище, мы не могли бы тутъ узрѣть. Каждый съ подобающей серьезностью и торжественностью старается особо тщательно выполнить ту часть церемонiала, которая опредѣлена на его долю. Ни одна фибра на лицѣ не обнаруживаетъ, чтобы въ душѣ исполнителей шевелились какiя-нибудь сомнѣнiя относительно справедливости того акта расправы надъ несчастными ближними, въ которомъ они, каждый въ своей долѣ, участвуютъ. Напротивъ. Ихъ спокойный и почти равнодушный въ остальной,

кромѣ своей, части процессіи видъ даетъ полное основаніе заключить, что каждый ихъ нихъ, неся эту привычную обязанность, занятъ мыслями только о впечатлѣніи, имъ лично производимомъ, или же о совершенно постороннихъ предметахъ, не мучаясь никакими мыслями насчетъ общаго смысла и значенія творимаго имъ сообща съ остальными дѣла[1]).

Таково было бы отношеніе каждаго изъ насъ къ этому зрѣлищу теперь, двѣсти двадцать лѣтъ послѣ него, когда мы смотримъ на него глазами людей, постигшихъ, благодаря, происшедшему въ этотъ промежутокъ времени, прогрессу и развитію культуры, все варварство и всю фальшь расправы, тогда совершавшейся съ упорной вѣрой въ ея правильность и цѣлесообразность. Для насъ до-нельзя очевидна несообразность всего этого, тѣмъ болѣе насъ ужасающая, съ чѣмъ большею серьезностью это исполнялось.

Къ сдѣланнымъ нами предположеніямъ надо прибавить еще одно, а именно, представить себѣ человѣка, который испытывалъ бы наши теперешнія чувства по данному поводу не ретроспективно, какъ мы теперь, а въ то самое время, когда описанное зрѣлище происходило, современника его, который уже тогда возвысился до взглядовъ на эти вещи, какихъ человѣчество въ общемъ достигло лишь цѣлыя столѣтія спустя, который, притомъ, не только мыслью опередилъ настолько свое время, но всѣми чувствами, всѣмъ существомъ своимъ уже тогда такъ относился къ этому, какъ мы теперь, и мы получимъ настоящую точку опоры, чтобы правильно понять впечатлѣніе, производимое на душу Толстого современнымъ уголовнымъ судомъ и столь искренно и правдиво воспроизводимое имъ въ картинѣ суда надъ Масловой: онъ видитъ въ этомъ судѣ и онъ въ немъ чувствуетъ теперь уже то, что станетъ общимъ достояніемъ лишь спустя цѣлыя поколѣнія.

---

[1]) Переводчикъ настоящаго этюда на испанскій языкъ въ этомъ мѣстѣ прибавляетъ къ тексту выноску, въ которой говоритъ, что высказанное здѣсь предположеніе подтверждается естественностью и заурядностью выраженій на лицахъ картины художника J. Rizi, современника этого событія, писавшаго ее какъ бы съ натуры для увѣковѣченія памяти Карла II. Картина эта имѣется въ музеѣ Prado въ Мадридѣ подъ № 1016.

Если бы фантастическій аппаратъ, о которомъ рѣчь была выше, могъ, обладая еще и свойствами фонографа, воспроизводить давнопрошедшія картины вмѣстѣ съ рѣчами, которыя тогда произносились, то особо стоило бы его направить на такую звѣзду, которая намъ бы дала возможность временно переселиться въ живую дѣйствительность происходившаго въ двадцатыхъ годахъ XVI ст. въ Олтенскомъ епископствѣ (въ Швейцаріи). Въ то время тамъ страшно размножились мыши, до того опустошавшія поля, что жители стали опасаться голода и поэтому обратились съ просьбою въ духовный судъ, чтобы онъ совершилъ экскомуникацію мышей. Была подана формальная противъ нихъ жалоба. Онѣ были приглашены явиться въ судъ. Такъ какъ онѣ не явились, то неявка была обращена противъ нихъ и обвинитель потребовалъ, чтобы было приступлено къ рѣшенію. Судъ назначилъ отвѣтчикамъ-мышамъ оффиціальнаго защитника въ лицѣ знаменитаго адвоката Barthelémy Chassanée. Если бы нашъ аппаратъ намъ воспроизвелъ весь процессъ въ точности, мы услышали бы такую рѣчь обвинителя, говорившаго отъ имени пострадавшихъ жителей:

„Господа! Эти бѣдные жители, стоящіе передъ вами со слезами на глазахъ, прибѣгаютъ къ вашему правосудію, подобно тому, какъ это дѣлали въ древности жители острововъ Маіорки и Минорки, пославшіе къ Августу Цезарю просить солдатъ, которые защитили бы ихъ отъ массы кроликовъ, опустошавшихъ ихъ поля. Вы имѣете лучшее оружіе, чѣмъ солдаты этого императора, и вы болѣе въ состояніи предохранить этихъ бѣдныхъ людей отъ голода и нужды, которою имъ угрожаютъ опустошенія, производимыя этими животными, не щадящими ни зерна, ни виноградниковъ. Имъ угрожаетъ несчастье, подобное тому опустошенію, которое было произведено кабаномъ, испортившимъ поля, виноградники и лѣса королевства Калидонскаго и о которыхъ упоминается въ Иліадѣ Гомера, или опустошенію, произведенному лисицей, посланной Ѳемидой въ Ѳивы. Вамъ знакомо все зло, которое приноситъ въ страну голодъ. Свидѣтельницами этихъ бѣдствій могутъ служить

матери, о которыхъ рѣчь въ четвертой Книгѣ королей и которыя съѣдали дѣтей одна у другой... Различныя справки и осмотры, сдѣланные по вашему распоряженію, дали вамъ ясное понятіе о вредѣ, причиненномъ животными. Такъ какъ послѣ этого всѣ необходимыя формальности уже совершены, то теперь остается вамъ лишь постановить справедливое рѣшеніе. Обитатели просятъ повелѣть животнымъ оставить занятыя мѣста и поселиться въ указанномъ имъ участкѣ; они просятъ также произвести религіозные акты, указанные нашей матерью—святой церковью. Такъ какъ эти просьбы разумны и цѣлесообразны, то вы произнесете, конечно, соотвѣтственное рѣшеніе".

На это мы услышали бы такой отвѣтъ защитника:

„Господа! Такъ какъ вы выбрали меня защитникомъ этихъ бѣдныхъ животныхъ, то вы позволите мнѣ защитить ихъ права и доказать, что всѣ формальности, направленныя противъ нихъ, недѣйствительны". Доказывая, затѣмъ, общими мѣстами, что обвиняемыя, какъ лишенныя разума животныя, не могутъ совершить преступленія, что къ нимъ не могутъ имѣть примѣненія тѣ или иныя наказанія, защитникъ переходитъ къ цитатамъ изъ Священнаго Писанія и изъ классическихъ авторовъ, превозглашая съ пафосомъ, что „эти животныя совершаютъ дѣйствія, вполнѣ дозволенныя божественнымъ правомъ, ибо если подлинный текстъ Писанія гласитъ, что плоды земли сдѣланы для животныхъ и людей, то, значитъ, и животныя могутъ употреблять эти плоды въ пищу. Животныя эти, слѣдуя законамъ Бога и природы, не могли совершить никакого преступленія и не могутъ, стало быть, подвергнуться ни проклятію, ни какому-либо другому наказанію. Наконецъ, должно имѣть въ виду, что, произнося экскомуникацію, судъ дѣйствуетъ наперекоръ Божьей волѣ, ибо Богъ послалъ животныхъ для наказанія людей за грѣхи. Итакъ, процессъ долженъ быть прекращенъ и я прошу рѣшить его въ этомъ смыслѣ".

Не должно думать, что это какая-нибудь кукольная комедія или дѣтская забава. Нѣтъ. Это цитаты изъ подлинныхъ судебныхъ протоколовъ заправскаго суда, который въ этомъ видѣ совершался взрослыми людьми. Процессы

надъ животными, надъ шпанскими мухами, гусеницами, мышами, кротами и т. д. существовали какъ живая дѣйствительность. Имѣется подробное руководство къ этого рода процессамъ, изданное этимъ самымъ Barthelėemy Chassanée, съ детальнымъ изложеніемъ процессуальныхъ правилъ и судебной практики. Для Chassanée защиты по этимъ дѣламъ послужили началомъ его славы, доведшей его къ занятію высшихъ ступеней магистратуры настоящей, т.-е. для людей, а не для животныхъ.

Должно добавить къ сдѣланнымъ выше предположеніямъ еще предположеніе о томъ, что мы теперь присутствуемъ при подобномъ судебномъ процессѣ и при подобныхъ судебныхъ преніяхъ сторонъ. То, что мы почувствовали бы и испытали бы при этомъ, даетъ намъ намекъ на то, что для Толстого съ его, опередившимъ всѣ наши понятія, взоромъ содержится въ обрядахъ и формахъ современнаго суда, по нынѣшнему мнѣнію, совершенно раціонально творящаго необходимое дѣло уголовнаго возмездія.

Въ картинѣ суда Толстой, напримѣръ, сразу, съ поразительной наглядностью воспроизводитъ ту черту уголовнаго правосудія, которая должна броситься въ глаза свѣжему и свободному отъ рутинно вкоренившихся воззрѣній наблюдателю, а проходитъ такъ мало замѣченною. А именно. Казалось бы, что когда идетъ рѣчь объ убійствѣ и о судѣ надъ убійцами, натуральную основу, въ силу которой люди могутъ собираться для этого дѣла, должно составлять, съ одной стороны, сожалѣніе къ убитому, и интересъ къ участи убійцъ—съ другой. Въ дѣйствительности, картина суда не содержитъ въ себѣ ничего подобнаго. Объ убитомъ пишется и говорится все такое, что скорѣе вызываетъ въ слушателяхъ къ нему отвращеніе. Вспомнимъ, напримѣръ, чтеніе акта осмотра трупа:

Ростъ Ферапонта Смѣлькова 2 арш. 12 верш. („Однако, мужчина здоровенный", озабоченно прошепталъ присяжный-купецъ на ухо Нехлюдову).

„Лѣта по наружному виду опредѣлились приблизительно около сорока.

„Видъ трупа былъ вздутый.

„Цвѣтъ покрововъ вездѣ зеленоватый, испещренный мѣстами темными пятнами.

„Кожица на поверхности тѣла поднялась пузырями различной величины, а мѣстами слѣзла и виситъ въ видѣ большихъ лоскутовъ.

„Волосы темно-русые, густые и при дотрагиваніи легко отстаютъ отъ кожи.

„Глаза вышли изъ орбитъ и роговая оболочка потускнѣла.

„Изъ отверстій носа, обоихъ ушей и полости рта вытекаетъ пѣнистая сукровичная жидкость, ротъ полуоткрытъ.

„Шеи почти нѣтъ, вслѣдствіе раздутія лица и груди".

Или актъ изслѣдованія внутренностей убитаго, содержавшихся даже какъ будто не въ немъ, а въ какихъ-то разнокалиберныхъ банкахъ:

„18. . февраля 15-го дня, я, нижеподписавшійся, по порученію врачебнаго отдѣленія за № 638-мъ,—началъ съ рѣшительностью, повысивъ діапазонъ голоса, какъ будто желая разогнать сонъ, удручающій всѣхъ присутствующихъ, секретарь,—въ присутствіи помощника врачебнаго инспектора сдѣлалъ изслѣдованіе внутренностей:

„1) праваго легкаго и сердца (въ шестифунтовой стеклянной банкѣ);

„2) содержимаго желудка (въ шестифунтовой стеклянной банкѣ);

„3) самого желудка (въ шестифунтовой стеклянной банкѣ);

„4) печени, селезенки и почекъ (въ трехъ-фунтовой стеклянной банкѣ);

„5) кишокъ (въ шестифунтовой глиняной банкѣ)" и т. д.

Объ обвиняемыхъ, объ ихъ настоящемъ, прошломъ, объ ихъ печальной біографіи, о грозящей имъ участи, въ настоящемъ видѣ не говорится при разбирательствѣ ни одного надлежащаго слова.

Для Толстого ясно, что дѣло суда творится не изъ побужденій участія, а исключительно по эгоистическимъ побужденіямъ: надо убрать подальше этихъ господъ, если они совершили данное убійство; иначе, вѣдь, они и каждаго изъ насъ могутъ укокошить.

Вотъ это безучастное отношеніе ко всему, кромѣ своей собственной персоны, сказывается однимъ образомъ въ настроеніи и мысляхъ, привычныхъ къ этому, для нихъ будничному, дѣлу судей и инымъ образомъ у, болѣе непосредственно воспринимающихъ, творящееся предъ ними, дѣло, присяжныхъ. Судьи способны, совершенно не замѣчая происходящаго, думать о своихъ нуждахъ и заботахъ;

присяжные болѣе реагируютъ на факты слѣдствія, но какъ? —„Видно, здоровъ пить былъ", говоритъ присяжный купецъ, когда было прочитано, что въ желудкѣ отравленнаго Смѣлькова найдено большое количество вина. Или: „ну, и палецъ былъ", сказалъ тотъ же присяжный, примѣривъ кольцо со стола вещественныхъ доказательствъ на свой палецъ и возвратясь на мѣсто,—„какъ огурецъ добрый",—прибавилъ онъ, очевидно, забавляясь тѣмъ представленіемъ, какъ о богатырѣ, которое онъ составилъ себѣ объ отравленномъ купцѣ. Реакція эта, какъ видимъ, имѣетъ мало общаго съ участіемъ къ судьбѣ убитаго. Веселый присяжный этотъ даже, очевидно, всей душой сочувствовалъ времяпрепровожденію жертвы преступленія Смѣлькова. „Ну, братъ, здорово кутилъ, по-сибирски. Тоже губа не дура: какую дѣвчонку облюбовалъ"—разглагольствовалъ онъ во время перерыва въ совѣщательной комнатѣ.

Обвиняемыхъ же сажаютъ за рѣшетку и находятся они подъ надзоромъ стражи, такъ что судьи могутъ съ полной безопасностью удовлетворять своему зрѣлищному любопытству, наблюдая ихъ, какъ звѣрей въ звѣринцѣ.

Толстой не можетъ примириться съ тѣмъ, что о безмѣрной важности и недосягаемости для обыкновеннаго смертнаго той роли, которую беретъ на себя человѣкъ въ уголовномъ судѣ, дерзая объявить, что ближній его подлежитъ разлученію отъ семьи и людей, терзанію мучительнымъ режимомъ и принудительными работами въ заключеніи въ теченіе столькихъ-то или столькихъ-то лѣтъ,—никто какъ бы и не думаетъ. Въ его глазахъ участники суда проявляютъ къ обвиняемому такое же участіе, какое проявляютъ croque morts'ы къ препровождаемому ими на кладбище покойнику. Станетъ ли бюро похоронныхъ процессій заниматься рѣшеніемъ вопросовъ бытія и таинственнаго хода вещей, обусловливающаго смерть всего живущаго и всѣ тѣ послѣдствія, которыя связаны для человѣчества съ неминуемостью смерти? На столько же, по Толстому, теперешній уголовный судъ занимается вопросомъ о сущности преступленія и душѣ преступника: онъ лишь хоронитъ сданныхъ на его расправу субъектовъ и больше ничего.

Критики Толстого становятся на точку зрѣнія, будто онъ сдѣлалъ себя судьею надъ судомъ и надъ судьями. Но ему чуждо такое отношеніе къ окружающему. Онъ живописуетъ наружную и внутреннюю картину суда и только. Путаница вопросовъ присяжныхъ изображаетъ у него не то, какъ плохо, когда не соблюдена какая-то тамъ 760 ст. устава уголовнаго судопроизводства, а какъ суетно то, чѣмъ вообще занимаются присяжные, когда вопросы имъ поставлены хотя бы и самымъ корректнымъ образомъ. Все это было бы также нелѣпо, если бы и оправдали Маслову. Толстого занимаетъ не судебная ошибка, а ошибка нравственнаго чувства, допускающая какой бы то ни было уголовный судъ. Въ Масловой меньше всего изображены страданія отъ того, что она жертва судебной ошибки. Вспомнимъ ея разговоръ съ Нехлюдовымъ въ тюремной больницѣ, когда онъ, возвратясь изъ деревни, передаетъ ей найденную тамъ фотографическую карточку.

Она, приподнявъ черныя брови, удивленно взглянула на него своими раскосыми глазами, какъ бы спрашивая: зачѣмъ это? и молча взяла конвертъ и положила его за фартукъ.

— Я видѣлъ тамъ тетку вашу, сказалъ Нехлюдовъ.

— Видѣли?—сказала она равнодушно.

— Хорошо ли вамъ здѣсь?—спросилъ Нехлюдовъ.

— Ничего, хорошо,—сказала она.

— Не слишкомъ трудно?

— Нѣтъ ничего. Я не привыкла еще.

— Я за васъ очень радъ. Все лучше чѣмъ тамъ.

— Чѣмъ гдѣ *тамъ?*—сказала она и лицо ея зажглось румянцемъ.

— Тамъ, въ острогѣ,—поспѣшилъ сказать Нехлюдовъ.

— Чѣмъ же лучше?—спросила она.

— Я думаю, люди здѣсь лучше. Нѣтъ такихъ, какіе тамъ.

— Тамъ много хорошихъ,—сказала она.

— Объ Меньшовыхъ я хлопоталъ и, надѣюсь, ихъ освободятъ,—сказалъ Нехлюдовъ.

— Это дай Богъ; такая старушка чудесная,—сказала она, повторяя свое опредѣленіе старушки, и слегка улыбнулась.

— Я нынче ѣду въ Петербургъ. Дѣло ваше будетъ слушаться скоро и я надѣюсь, что рѣшеніе отмѣнятъ.

— Отмѣнятъ, не отмѣнятъ, теперь все равно,—сказала она.

Вся сила изображенія интересной фигуры Масловой состоитъ въ томъ, что оправданіе ни въ чемъ не измѣнило бы ея положенія, въ смыслѣ душевномъ.

Ни прокуроръ, добивающійся обвиненія, ни защитникъ, добивающійся оправданія, ни судъ, приговаривающій къ наказанію обвиненнаго, ни же судъ, отпускающій оправданнаго,—никто не дѣлаетъ того, что въ самомъ дѣлѣ нужно, ни для спасенія погибшаго, ни для огражденія общества: вотъ впечатлѣніе, получаемое отъ картины суда Толстымъ; вотъ то „что-то такое", которое Нехлюдовъ чувствовалъ, что видитъ въ дѣлѣ судовъ и наказаній и чего не видятъ другіе.

Взять судъ самый совершенный, до котораго человѣчество только додумалось,—судъ присяжныхъ, и получается это впечатлѣніе. Такъ какъ всѣ занимаются въ интересахъ мнимаго правосудія безразличной для живой души работой, то отъ того внутри себя каждый изъ участниковъ суда занятъ совсѣмъ другимъ; причемъ, характерно, главнымъ образомъ, то, что каждый поглощенъ своими личными дѣлами, узко эгоистическими интересами въ то время, когда наружно онъ творитъ дѣло, требующее наибольшей суммы альтруистическихъ чувствъ (если только уголовный судъ есть дѣйствительно дѣло, основанное на участіи къ потерпѣвшему, къ обществу, къ преступнику).

Искусственность всей постройки уголовнаго воздаянія обнаруживается, по Толстому, на томъ, что всѣ заключенные, пересыльные, каторжные, надъ которыми чинится расправа и которые должны бы по идеѣ закона испытывать что-то, ихъ перерождающее, что-то особое,—ничего такого, находясь подъ принудительнымъ режимомъ, на самомъ дѣлѣ не испытываютъ и остаются во всѣхъ проявленіяхъ самими собою и такими же людьми, какъ и прочіе и какъ прежде. Но кто дѣйствительно перестаетъ быть похожимъ на человѣка—это всѣ приставленные къ заключеннымъ и исполняющіе на дѣлѣ то, что уголовный законъ разумѣетъ подъ примѣненіемъ наказанія; всѣ конвойные, тюремщики, надзиратели, смотрители, жандармы и проч. На нихъ возложена, противная человѣческой натурѣ, обязанность и испол-

ненiе ея не можетъ не быть фальшью, отражающейся на всей фигурѣ исполнителя. Вотъ какъ разсуждалъ объ этомъ Нехлюдовъ.

Все дѣло въ томъ, что люди думаютъ, что есть положенія, въ которыхъ можно обращаться съ человѣкомъ безъ любви, а такихъ положеній нѣтъ. Съ вещами можно обращаться безъ любви: можно рубить деревья, дѣлать кирпичи, ковать желѣзо безъ любви; а съ людьми нельзя обращаться безъ любви, такъ же какъ нельзя обращаться съ пчелами безъ осторожности. Таково свойство пчелъ. Если станешь съ ними обращаться безъ осторожности, то имъ повредишь и себѣ. То же и съ людьми. И это не можетъ быть иначе, потому что взаимная любовь между людьми есть основной законъ жизни человѣческой. Правда, что человѣкъ не можетъ заставить себя любить, какъ онъ можетъ заставить себя работать, но изъ этого не слѣдуетъ, что можно обращаться съ людьми безъ любви, особенно, если чего-нибудь требуешь отъ нихъ. Не чувствуешь любви къ людямъ—сиди смирно, занимайся собою, вещами, чемъ хочешь, но только не людьми. Только позволь себѣ обращаться съ людьми безъ любви и нѣтъ предѣловъ жестокости и звѣрства...

Фигуры исполнителей наказанія изображены въ указанномъ смыслѣ во многихъ сценахъ. Какъ, напримѣръ:

— А нельзя ли мнѣ повидать Меньшова въ его камерѣ?—спросилъ Нехлюдовъ смотрителя,

— Да вамъ покойнѣй въ сборной.

— Нѣтъ, мнѣ интересно.

— Вотъ нашли что интересное.

Въ это время изъ боковой двери вышелъ щеголеватый офицеръ—помощникъ.

— Вотъ сведите князя въ камеру къ Меньшову. Камера 21-я,—сказалъ смотритель помощнику,—а потомъ въ контору.

Помощникъ смотрителя былъ бѣлокурый, молодой съ нафабренными усами офицеръ, распространяющій вокругъ себя запахъ цвѣточнаго одеколона.

— Пожалуйте,—обратился онъ къ Нехлюдову съ пріятной улыбкой.—Интересуетесь нашимъ заведеніемъ?

— Да, и интересуюсь этимъ человѣкомъ, который, какъ мнѣ говорили, совершенно невинно попалъ сюда.

Помощникъ пожалъ плечами.

— Да, это бываетъ,—спокойно сказалъ онъ, учтиво впередъ себя пропуская гостя въ широкій вонючій корридоръ.—Бываютъ, и врутъ они. Пожалуйте.

Или при свиданіи Нехлюдова съ жандармскимъ генераломъ въ Петербургѣ:

— Ему нужны научныя книги,—сказалъ Нехлюдовъ,—онъ хочетъ заниматься.

— Не вѣрьте этому.—Генералъ помолчалъ.—Это не для занятій. А такъ, безпокойство одно.

— Но какъ же, вѣдь нужно занять время въ ихъ тяжеломъ положеніи.

— Они всегда жалуются,—сказалъ генералъ.—Вѣдь мы ихъ знаемъ.

Онъ говорилъ объ нихъ вообще, какъ о какой-то особенной, нехорошей породѣ людей.

— А имъ тутъ доставляется такое удобство, которое рѣдко можно встрѣтить въ мѣстахъ заключенія,—продолжалъ генералъ.

И онъ сталъ, какъ бы оправдываясь, подробно описывать всѣ удобства, доставляемыя содержимымъ, какъ будто главная цѣль этого учрежденія состояла въ томъ, чтобы устроить для содержащихся лицъ пріятное мѣстопребываніе.

Генералъ, какъ всѣ старые люди, очевидно, разъ напавъ на затверженное, говорилъ все то, что онъ повторялъ много разъ въ доказательство ихъ требовательности и неблагодарности.

— Книги имъ даются и духовнаго содержанія и журналы старые. У насъ библіотека. Только рѣдко они читаютъ. Сначала какъ будто интересуются, а потомъ такъ и остаются новыя книги до половины неразрѣзанными, а старыя съ неперевернутыми страницами; мы пробовали даже,—съ далекимъ подобіемъ улыбки сказалъ онъ,—нарочно вложили бумажку. Такъ и останется не вынута. Тоже и писать имъ не возбраняется,—продолжалъ генералъ.—Дается аспидная доска и грифель, такъ что они могутъ писать для развлеченія. Могутъ стирать и опять писать. И тоже не пишутъ. Нѣтъ, они очень скоро дѣлаются совсѣмъ спокойны. Только сначала они тревожатся, а потомъ даже толстѣютъ и очень тихи дѣлаются,—говорилъ генералъ, не подозрѣвая того ужаснаго значенія, которое имѣли его слова.

Такой генералъ о душѣ человѣческой и ея запросахъ имѣетъ понятіе развѣ въ томъ видѣ, въ какомъ ему являютъ себя духи чрезъ спиритическіе сеансы. Свиданіе съ Нехлюдовымъ его какъ разъ оторвало отъ разговора съ Іоанною д'Аркъ, духъ которой верченіемъ блюдечка началъ давать отвѣтъ на пытливый вопросъ генерала, какъ будутъ души узнавать другъ друга послѣ смерти.

Или памятная фигура этапнаго офицера:

— Живешь въ этой Сибири, такъ человѣку образованному радъ-радешенекъ. Вѣдь наша служба, сами знаете, самая печальная.

А когда человѣкъ къ другому привыкъ, такъ и тяжело. Вѣдь, про нашего брата такое понятіе, что конвойный офицеръ, значитъ, грубый человѣкъ, необразованный, а того не думаютъ, что человѣкъ можетъ быть совсѣмъ для другого рожденъ.

Красное лицо этого офицера, его духи, перстень и, въ особенности, непріятный смѣхъ были очень противны Нехлюдову, но онъ внимательно его слушалъ. Выслушавъ офицера и понявъ его душевное состояніе, онъ серьезно сказалъ:

— Я думаю, что въ вашей же должности можно найти утѣшеніе въ томъ, чтобы облегчать страданія людей.

— Какія ихъ страданія? Вѣдь это народъ такой.

Сказавъ, затѣмъ, нѣсколько словъ объ испытываемой имъ (не то, что другіе конвойные) жалости къ заключеннымъ, онъ во что бы то ни стало хотѣлъ заставить Нехлюдова послушать пикантную исторійку съ пересыльной, которую звали Эммой, которая была родомъ венгерка, а глаза имѣла настоящіе персидскіе.

Къ того же рода впечатлѣніямъ относится распоряженіе околоточнаго въ участкѣ, куда доставили умершаго отъ солнечнаго удара пересыльнаго.

— „Снести въ мертвецкую,—сказалъ околоточный.—А ты тогда приходи въ канцелярію, роспишешься,—прибавилъ онъ конвойному, который все время не отставалъ отъ арестанта.

Фигура этого околоточнаго обрисовывается передъ нами во весь ростъ въ двухъ словахъ:

— Что за сборище?—послышался вдругъ рѣшительный начальственный голосъ, и къ собравшейся вокругъ арестанта кучкѣ людей быстрыми шагами подошелъ околоточный, въ необыкновенно чистомъ и блестящемъ кителѣ и еще болѣе блестящихъ высокихъ сапогахъ

— Разойтись. Нечего тутъ стоять,—крикнулъ онъ на толпу, еще не видя, зачѣмъ собралась толпа. Подойдя же вплоть и увидавъ умирающаго арестанта, онъ сдѣлалъ одобрительный знакъ головой, какъ будто ожидалъ этого самаго.

Наклонность къ особому щегольству составляетъ типическую черту этихъ фигуръ. Если не всѣмъ туалетомъ, то хоть блескомъ сапогъ они какъ-то особенно выдѣляются.

Приблизившись и узнавъ въ лицо Нехлюдова (въ острогѣ уже всѣ знали Нехлюдова), унтеръ-офицеръ приложилъ пальцы къ фуражкѣ и, остановившись подлѣ Нехлюдова, сказалъ:

— Теперь нельзя. На вокзалѣ можете, а здѣсь не полагается. —Не отставай, маршъ,—крикнулъ онъ на арестантовъ и, бодрясь, не смотря на жару, рысью перебѣжалъ въ своихъ щегольскихъ сапогахъ къ своему мѣсту.

Неестественность положенія особо оттѣняется этой чистотой сапогъ, нафабренными усами, запахомъ цвѣточнаго одеколона, какъ усиливаютъ впечатлѣніе неестественности положенія людей подъ замкомъ, раздающіеся въ той же оградѣ, звуки этюдовъ Клементи и бравурной рапсодіи Листа, разыгрываемой дочерью смотрителя; за то же и разыгривается эта рапсодія, хотя прекрасно, но только до извѣстнаго, какъ-бы заколдованнаго, мѣста.

Фальшиво положеніе не только приставленныхъ по закону къ заключеннымъ, но и всѣхъ тѣхъ, кто *снаружи* къ нимъ подходитъ, хотя бы подходящій былъ воодушевленъ благими намѣреніями облегчить имъ ихъ положеніе, оказать имъ, по добротѣ душевной, матеріальную и нравственную помощь. Представитель англійскаго библейскаго общества, посѣщающій пересыльную тюрьму въ Сибири и проповѣднически наставляющій заключенныхъ, раздавая опредѣленное число евангелій на каждую камеру, такъ тотъ даже прямо комиченъ. Да вся искусственность Нехлюдова и его ненатуральность есть натуральное послѣдствіе искусственной роли, какая на него выпала и какую онъ добровольно на себя взялъ.

Какъ ни знакомо было Нехлюдову это зрѣлище, какъ ни часто видѣлъ онъ въ продолженіе этихъ трехъ мѣсяцевъ все тѣхъ же 400 уголовныхъ арестантовъ въ самыхъ различныхъ положеніяхъ: и въ жарѣ, въ облакѣ пыли, которое они подымали волочащими цѣпи ногами, и на привалахъ по дорогѣ, и на этапахъ въ теплое время на дворѣ, гдѣ происходили ужасающія сцены открытаго разврата,—онъ все-таки каждый разъ, когда входилъ въ середину ихъ и чувствовалъ, какъ теперь, что вниманіе ихъ обращено на него, испытывалъ мучительное чувство стыда и своей виноватости передъ ними. Самое тяжелое для него было то, что къ этому чувству стыда и виноватости примѣшивалось еще непреодолимое чувство отвращенія и ужаса. Онъ зналъ, что въ томъ положеніи, въ которомъ они были поставлены, нельзя было не быть такими, какъ они, и все-таки не могъ подавить своего отвращенія къ нимъ.

Дѣйствительное просвѣтленіе получается только отъ тѣхъ, кто сильнѣе духомъ и кто не извнѣ обращается къ заключеннымъ, а заключенъ и подвергнутъ неволѣ вмѣстѣ съ ними. Положеніе Масловой въ пути, бывшее очень тяжелымъ нравственно „отъ отвратительныхъ мужчинъ, кото-

рые такъ же, какъ и насѣкомыя, хотя и перемѣнялись съ каждымъ этапомъ, вездѣ были одинаково назойливы, прилипчивы и не давали покоя“, облегчала лишь „близость ея съ Ѳедосьей и Тарасомъ, который, узнавъ о нападеніяхъ, которымъ подверглась его жена, пожелалъ арестоваться, чтобы защищать ее, и съ Нижняго ѣхалъ, какъ арестантъ, вмѣстѣ съ заключенными“. Источникъ душевнаго ея обновленія, ея воскресенія открылся для нея вмѣстѣ съ переводомъ въ группу политическихъ. Общеніе съ новыми товарищами открыло ей такіе интересы въ жизни, о которыхъ она не имѣла никакого понятія. Такихъ „чудесныхъ“ людей, какъ она говорила: „какъ тѣ, съ которыми она шла теперь, она не только не знала, но и не могла себѣ представить“.

— „Вотъ плакала, что меня присудили“,—говорила она.—„Да я вѣкъ должна благодарить. То узнала, чего во всю жизнь не узнала бы“.

Она восхищалась всѣми своими новыми сотоварищами; но больше всѣхъ она восхищалась Марьей Павловной и не только восхищалась ею, но полюбила ее особенной, почтительной и восторженной любовью. Ее поражало то, что эта красивая дѣвушка изъ богатаго генеральскаго дома, говорившая на трехъ языкахъ, держала себя, какъ самая простая работница, отдавала съ себя другимъ все, что присылалъ ей ея богатый братъ, и одѣвалась и обувалась не только просто, но бѣдно, не обращая никакого вниманія на свою наружность.

Съ тѣхъ поръ, какъ Катюша узнала ее, она видѣла, что, гдѣ бы она ни была, при какихъ бы ни было условіяхъ, она никогда не думала о себѣ, а всегда была озабочена: какъ бы только услужить, помочь кому нибудь въ большомъ или маломъ. Весь интересъ ея жизни состоялъ, какъ для охотника найти дичь, въ томъ, чтобы найти случай служенія другимъ. И этотъ спортъ сдѣлался привычкой, сдѣлался дѣломъ ея жизни. И дѣлала она это такъ естественно, что всѣ, знавшіе ее, уже не цѣнили этого, а требовали этого.

Отнюдь не должно думать, что тутъ содержится апоѳеозъ политическимъ преступникамъ. Ничуть. По мнѣнію Толстого, они тоже заблуждающіеся, насколько они хотятъ проводить свои идеи путемъ насилія. Но таково, по его изображенію, преимущество того, что въ ихъ поведеніи возвышеннаго, а именно, что они служатъ идеѣ для идеи и служатъ не какъ наставники, не какъ проповѣдники, не

какъ правители и не какъ филантропы, а какъ товарищи, какъ сотрудники, какъ сострадающіе.

Отсутствіе сперва именно этой черты въ дѣятельности Нехлюдова есть коренная причина неудовлетворенности, какую онъ самъ испытываетъ и какую чувствуютъ другіе отъ его великодушныхъ поступковъ; это сказывается даже и не только въ его отношеніяхъ съ заключенными, а, напримѣръ, и при отдачѣ земли крестьянамъ села Кузьминскаго.

Все устроилось такъ, какъ этого хотѣлъ и ожидалъ Нехлюдовъ: крестьяне получили землю процентовъ на 30-ть дешевле, чѣмъ отдавалась земля въ округѣ; его доходъ съ земли уменьшился почти на половину, но былъ съ избыткомъ достаточенъ для Нехлюдова. Все, казалось, было прекрасно, а Нехлюдову все время было чего-то совѣстно. Онъ видѣлъ, что крестьяне, несмотря на то, что нѣкоторые изъ нихъ говорили ему благодарственныя слова, были недовольны и ожидали чего-то большаго. Выходило, что онъ лишилъ себя многаго, а крестьянамъ не сдѣлалъ того, чего они ожидали.

Отношеніе же Толстого къ политическимъ преступникамъ безо всякаго предвзятаго взгляда, такъ—сказать, вполнѣ прозаическое, видно хотя бы въ сценѣ перваго свиданія Нехлюдова съ Богодуховскою въ тюрьмѣ.

Она разсказывала ему это, очевидно, вполнѣ увѣренная, что ему очень интересно и пріятно знать всю тайну народовольства. Нехлюдовъ же смотрѣлъ на ея жалкую шею, на рѣдкіе спутанные волосы и удивлялся, зачѣмъ она все это дѣлала и разсказывала. Она жалка была ему, но совсѣмъ не такъ, какъ былъ жалокъ Меньшовъ - мужикъ, безо всякой вины съ его стороны сидѣвшій въ вонючемъ острогѣ. Она болѣе всего жалка была той очевидной путаницею, которая была у нея въ головѣ. Она, очевидно, считала себя героинею, готовою пожертвовать жизнью для успѣха своего дѣла, а, между тѣмъ, едва-ли она могла бы объяснить, въ чемъ состояло это дѣло и въ чемъ успѣхъ его.

Не болѣе лестна характеристика, дѣлаемая Толстымъ одному изъ главарей среди политическихъ ссыльныхъ—Новодворову, „умственныя силы котораго—его числитель—были большія, но мнѣніе о себѣ—его знаменатель—было несоизмѣримо огромное и давно уже переросло его умственныя силы“.—Мы имѣемъ въ романѣ и общую характеристику политическихъ, не отличающуюся въ существѣ отъ взгляда, уже высказывавшагося другими, съ тою, конечно,

разницею въ изображенiи, какая свойственна мастерству Толстого и про которое можно сказать то же, что онъ говоритъ про влiянiе лѣтняго дождя на ландшафтъ; въ его изображенiяхъ все какъ будто покрывается лакомъ: зеленое становится зеленѣе, желтое—желтѣе, черное—чернѣе.

Узнавъ ихъ ближе, Нехлюдовъ убѣдился, что это не были сплошные злодѣи, какъ ихъ представляли себѣ одни, и не были сплошные герои, какими считали ихъ другiе, а были обыкновенные люди, между которыми были, какъ и вездѣ, хорошiе и дурные и среднiе люди. Были среди нихъ люди, ставшiе революцiонерами потому, что искренно считали себя обязанными бороться съ существующимъ зломъ; но были и такiе, которые избрали эту дѣятельность изъ эгоистическихъ, тщеславныхъ мотивовъ; большинство же было привлечено къ революцiи знакомымъ Нехлюдову по военному времени желанiемъ опасности, риска, наслажденiемъ игры своей жизнью, чувствами, свойственными самой обыкновенной энергической молодежи. Различiе ихъ отъ обыкновенныхъ людей и въ ихъ пользу состояло въ томъ, что требованiя нравственности среди нихъ были выше тѣхъ, которыя были приняты въ кругу обыкновенныхъ людей. Среди нихъ считались обязательными не только воздержанiе, суровость жизни, правдивость, безкорыстiе, но и готовность жертвовать всѣмъ, даже своей жизнью, для общаго дѣла. И потому тѣ изъ этихъ людей, которые были выше средняго уровня, были гораздо выше его, представляли изъ себя образецъ рѣдкой нравственной высоты; тѣ же, которые были ниже средняго уровня, были гораздо ниже его, представляли изъ себя часто людей неправдивыхъ, притворяющихся и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самоувѣренныхъ и гордыхъ. Такъ что нѣкоторыхъ изъ своихъ новыхъ знакомыхъ Нехлюдовъ не только уважалъ, но и полюбилъ всей душой; къ другимъ же оставался болѣе, чѣмъ равнодушенъ.

Съ другой стороны, массовое преслѣдованiе политическихъ и жестокая расправа съ ихъ главарями получаютъ глубоко захватывающую оцѣнку такого рода:

Съ этими людьми поступали такъ, какъ поступаютъ при ловлѣ рыбы неводомъ; вытаскиваютъ на берегъ все, что попадается, и потомъ отбираютъ тѣ крупныя рыбы, которыя нужны, не заботясь о мелкотѣ, которая гибнетъ, засыхая на берегу. Такъ, захвативъ сотни такихъ, очевидно, не только не виноватыхъ, но и не могущихъ быть вредными правительству людей, ихъ держали иногда годами въ тюрьмахъ, гдѣ они заражались чахоткой, сходили съ ума или сами убивали себя; и держали ихъ только потому, что не было причины выпускать ихъ, между тѣмъ какъ, будучи подъ рукой въ тюрьмѣ, они могли понадобиться для разъясненiя какого-нибудь вопроса при слѣдствiи. Судьба всѣхъ этихъ, часто даже съ правительственной точки зрѣнiя невинныхъ людей, зависѣла отъ произвола, досуга, настроенiя жандармскаго, полицейскаго офицера, шпiона, прокурора, судебнаго слѣдователя, губернатора, министра.

Съ ними поступали какъ на войнѣ, и они, естественно, употребляли тѣ же самыя средства, которыя употреблялись противъ нихъ. И какъ военные живутъ всегда въ атмосферѣ общественнаго мнѣнiя, которое не только скрываетъ отъ нихъ преступность совершаемыхъ ими поступковъ, но представляетъ эти поступки подвигами,—такъ точно и для политическихъ существовала такая же всегда сопутствовавшая имъ атмосфера общественнаго мнѣнiя *ихъ* кружка, вслѣдствiе которой совершаемые ими, при опасности потери свободы, жизни и всего, что дорого человѣку, жестокiе поступки представлялись имъ также не только не дурными, но доблестными поступками. Этимъ объяснялось для Нехлюдова то удивительное явленiе, что самые кроткiе по характеру люди, неспособные не только причинить, но видѣть страданiя живыхъ существъ, спокойно готовились къ убiйствамъ людей, и всѣ почти признавали въ извѣстныхъ случаяхъ убiйство, какъ орудiе самозащиты и достиженiя высшей цѣли общаго блага, законнымъ и справедливымъ. Высокое же мнѣнiе, которое они приписывали своему дѣлу, а, вслѣдствiе того, и себѣ, естественно вытекало изъ того значенiя, которое придавало имъ правительство, и той жестокости наказанiй, которымъ оно подвергало ихъ. Имъ надо было имѣть о себѣ высокое мнѣнiе, чтобы быть въ силахъ переносить то, что они переносили.

При характеристикѣ лицъ и дѣятелей цѣлыхъ учрежденiй, дѣлаемой Толстымъ, невольно задаешь себѣ вопросъ, когда характеристика эта расходится съ общепринятыми воззрѣнiями,—не есть ли она нѣчто крайне субъективное съ его стороны, не принимаетъ ли онъ лишь кажущееся за дѣйствительность? При провѣркѣ ея другими авторитетными наблюденiями и данными оказывается, однако, что онъ правъ. Вѣдь ужасно, напримѣръ, не понравилось нашимъ судьямъ изображенiе душевнаго состоянiя участниковъ процесса Масловой, рисующее ихъ всѣхъ занятыми лишь самими собою и своими личными интересами. Но стоитъ сопоставить это изображенiе съ тѣмъ, которое даютъ другiе романисты, и мы увидимъ, что это впечатлѣнiе, полученное въ залѣ суда не однимъ Толстымъ. Возьмемъ для сравненiя послѣднюю часть „Братьевъ Карамазовыхъ“. Какъ ни де-

тально и ни длинно до утомительности описаніе судебнаго слѣдствія у Достоевскаго, тѣмъ не менѣе и у него въ описаніи душевныхъ побужденій всѣхъ участниковъ процесса: какъ отличающагося своей опытностью предсѣдателя, такъ и чахоточнаго прокурора, обвинительная рѣчь коего въ этомъ дѣлѣ—его лебединая пѣснь, такъ, наконецъ, и защитника въ лицѣ знаменитаго "прелюбодѣя мысли",—преобладающею чертою являются также мысли и заботы каждаго при совершеніи разныхъ судебныхъ дѣйствій только о собственной персонѣ. И у Достоевскаго, затѣмъ, результатъ процесса, оканчивающагося осужденіемъ невиннаго въ приписываемомъ дѣяніи Дмитрія Карамазова, является также не выводомъ изъ того, что выяснилось и установлено на судѣ по данному дѣлу: присяжные выносятъ ему обвинительный приговоръ за отцеубійство не по дѣйствительной его винѣ въ этомъ, а за распутство и развращенность его вообще. Приговоръ этотъ, впрочемъ, у автора вызываетъ душевное удовлетвореніе. „Мужички за себя постояли", восклицаетъ онъ по этому поводу про присяжныхъ устами своего пересказчика всего происходившаго на судѣ; въ этомъ разница Достоевскаго съ Толстымъ.

Изображеніе судей Толстымъ вызвало у нашихъ дѣйствительныхъ судей сильнѣйшее неудовольствіе, доходившее до открытаго негодованія. На это нельзя не смотрѣть, какъ на недоразумѣніе съ ихъ стороны, явившееся плодомъ напрасно уязвленнаго самолюбія, помѣшавшаго имъ стать на настоящую точку зрѣнія автора. Для Толстого дѣло уголовнаго суда есть дѣло не только лишнее, напрасное и жестокое, но дѣло, противное человѣческой натурѣ. Какъ же, спрашивается, могутъ люди столько времени и въ такомъ количествѣ заниматься по призванію и добровольно столь противоестественнымъ дѣломъ? Могутъ они это, по его взгляду, только потому, что они, въ дѣйствительности, занимаются въ душѣ своей въ то время, когда творятъ, такъ-называемое правосудіе, совсѣмъ не этимъ. Они дѣлаютъ это или механически, по привычкѣ, или изъ любопытства, когда оно для нихъ ново; но во всемъ ужасномъ своемъ значеніи они сущности уголовнаго суда при этомъ не сознаютъ. Почему

они не обнимаютъ при этомъ во всемъ объемѣ того, что называется уголовнымъ воздаяніемъ, на то Толстой находитъ объясненіе въ раздѣленіи труда и функцій, въ искусственномъ устройствѣ теперешняго общества, которымъ въ данномъ случаѣ достигаются не болѣе совершенные плоды разсортированной дѣятельности, а то, что участники одного общаго жестокаго дѣла, исполняя врозь отдѣльныя составныя части его, не сознаютъ, что именно они творятъ [1]). Съ точки зрѣнія Толстого, въ побочныхъ мысляхъ, которыми поглощено внутренно вниманіе судей, состоитъ, незамѣтно для нихъ самихъ, оправданіе того, какъ могутъ они чинить судъ и расправу, подобно тому, какъ инквизиторы могли чинить свое ауто-да-фе. Для Толстого не тотъ судья непонятенъ, который во время разбирательства поглощенъ мыслями о свиданіи съ гувернанткой Кларой Васильевной или объ обѣдѣ „въ кабачкѣ" изъ-за отказа сердитой жены приготовить его дома,—а тотъ, который съ душою и съ сердцемъ употребляетъ искреннія старанія на то, чтобы запереть человѣка въ тюрьму или, разлучивъ его съ семьею и родиной, угнать въ отдаленные рудники. Таковъ у него герой повѣсти „Смерть Ивана Ильича". Пожеланія Толстого и его упованія надо искать не на сторонѣ исправленій суда и его дѣятелей, а въ направленіи полнаго отказа людей отъ этого дѣла. А насколько жизненной правды Толстой вложилъ въ изображеніе своихъ судей, тому можетъ, между прочимъ, служить доказательствомъ тотъ фактъ, что a parte наши судьи находятъ удивительно вѣрно изображенными въ романѣ сенаторовъ; сенаторы же думаютъ то же про судей низшей инстанціи.

При критической оцѣнкѣ картины суда, даваемой Толстымъ, рождается еще вопросъ: не есть ли это изобра-

---

[1]) Развѣ чѣмъ инымъ можетъ, дѣйствительно, быть объяснено, что на удручающій вопросъ о переполненіи каторжныхъ тюремъ Россіи, тюремное вѣдомство, знающее только свою часть—исполненіе приговоровъ, отвѣчаетъ въ одномъ изъ своихъ отчетовъ буквально въ такихъ выраженіяхъ: „ближайшимъ выходомъ изъ настоящаго положенія является безотлагательное устройство новыхъ тюремныхъ помѣщеній, что и составляетъ предметъ *особыхъ заботъ* главнаго тюремнаго управленія"?..

женіе плодъ того настроенія, въ которое его приводятъ нынѣшнія, всѣмъ извѣстныя, крайности его міровоззрѣнія въ философскомъ и моральномъ отношеніи? не смотритъ ли онъ на вещи сквозь свои нынѣшнія искусственныя очки, дающія предвзятую окраску дѣйствительной натуры вещей? Въ этомъ отношеніи любопытный образчикъ столь же отрицательнаго чувства къ дѣлу уголовнаго суда мы имѣемъ уже въ его „Войнѣ и мирѣ". Въ сценѣ военнаго суда надъ Пьеромъ Безухимъ Толстой попутно даетъ слѣдующую общую характеристику всякаго суда:

Единственная цѣль послѣдняго всегда состоитъ въ томъ, чтобы обвинить. Вопросы суда, оставляя въ сторонѣ сущность жизненнаго дѣла, и исключая возможность раскрытія этой сущности, какъ и всѣ вопросы, дѣлаемые на судахъ, имѣли цѣлью только подставленіе того желобка, по которому судящіе желали, чтобы потекли отвѣты подсудимаго и привели его къ желаемой цѣли, т. е., къ обвиненію. Какъ только онъ начиналъ говорить что нибудь такое, что не удовлетворяло цѣли обвиненія, такъ принимали желобокъ и вода могла течь куда ей угодно. Кромѣ того, Пьеръ испыталъ то же, что во всѣхъ судахъ испытываетъ подсудимый: недоумѣніе, для чего дѣлали ему всѣ эти вопросы...

Впечатлѣніе уголовнаго суда, какъ изъ этого видно, было у Толстого точь-въ-точь такое, какъ теперь, уже много лѣтъ тому назадъ, когда его моральная философія не имѣла еще опредѣленной теперешней формы непротивленія злу. По этому поводу будетъ кстати вспомнить и еще одно мѣсто изъ „Войны и мира", показывающее давнопрошедшее происхожденіе тѣхъ основныхъ убѣжденій, которыя высказываются теперь Толстымъ. Поворотъ въ моральныхъ чувствахъ Нехлюдова въ молодости приписывается поступленію на военную службу, про которую говорится тутъ слѣдующее:

Военная служба, вообще, развращаетъ людей, ставя поступающихъ въ нее въ условія совершенной праздности, т. е., отсутствія разумнаго и полезнаго труда, и освобождая ихъ отъ общихъ человѣческихъ обязанностей, взамѣнъ которыхъ выставляетъ только условную честь полка, мундира, знамени и, съ одной стороны, безграничную власть надъ другими людьми, а съ другой—рабскую покорность высшимъ себя начальникамъ.

Въ началѣ же одной изъ главъ второго тома „Война и миръ" читаемъ:

Библейское преданіе говоритъ, что отсутствіе труда—праздность, была условіемъ блаженства перваго человѣка до его паденія. Любовь къ праздности осталась та же и въ падшемъ человѣкѣ; но проклятіе все тяготѣетъ надъ человѣкомъ и не только потому, что мы въ потѣ лица должны снискивать хлѣбъ свой, но потому, что по нравственнымъ свойствамъ мы не можемъ быть праздны и спокойны. Тайный голосъ говоритъ, что мы должны быть виновны за то, что праздны. Если бы могъ человѣкъ найти состояніе, въ которомъ онъ, будучи празднымъ, чувствовалъ себя полезнымъ и исполняющимъ свой долгъ, онъ бы нашелъ одну сторону первобытнаго блаженства. И такимъ состояніемъ обязательной и безупречной праздности пользуется цѣлое сословіе—сословіе военное.

Въ картинѣ суда, теперь изображаемой Толстымъ, должно, поэтому, видѣть живыя черты, имѣющіяся и въ дѣйствительности. Не каждый ихъ улавливаетъ; но Толстой это видитъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ свой всепроникающій взглядъ устремилъ въ эту сторону. Подтвержденіе только-что приведенному наблюденію Толстого относительно обвинительной тенденціи уголовныхъ судовъ можетъ быть найдено въ неожиданномъ, но тѣмъ болѣе убѣдительномъ, источникѣ: въ „Итогахъ русской уголовной статистики за двадцать лѣтъ (1874—1894 гг.)", изданныхъ министерствомъ юстиціи, въ томъ мѣстѣ, гдѣ указывается на сравнительно большой процентъ оправдательныхъ приговоровъ у мировыхъ судей варшавскаго округа. Объясненіемъ этому приводится тутъ то, что по дѣлахъ, мировымъ судьямъ подвѣдомымъ, нѣтъ предварительнаго преданія суду, когда неосновательныя обвиненія совсѣмъ не доходятъ до разбирательства; мировымъ же судьямъ приходится и такія дѣла разбирать, хотя по существу оправдательный приговоръ тутъ является неизбѣжнымъ; вотъ отчего, какъ-бы искусственно, повышается процентъ постановляемыхъ мировыми судьями оправдательныхъ приговоровъ. Въ заключеніе составитель „Итоговъ", ограждая въ этомъ отношеніи мировыхъ судей отъ нареканій, на стр. 87, высказываетъ такую сентенцію относительно обвинительныхъ приговоровъ, какъ мѣрила требованій юстиціи: „При наличности такихъ условій можно признать, что мировые судьи постановляютъ относительно большее

количество оправдательныхъ приговоровъ лишь вслѣдствіе особаго порядка производства дѣлъ въ мировыхъ установленіяхъ; степень же ихъ вниманія къ основательности обвиненія и стремленія къ исполненію *требованій закона и правосудія* не можетъ быть признана меньшей, чѣмъ у членовъ общихъ судебныхъ установленій". Выходитъ, что безъ такихъ исключительныхъ условій большой процентъ оправдательныхъ приговоровъ у судьи несовмѣстимъ съ правильнымъ пониманіемъ своего служебнаго долга.

Было бы очень странно, если бы Толстой ошибся какъ разъ въ описаніи душевнаго міра и состоянія судьи, онъ, который во всѣ душевные міры и состоянія проникаетъ съ изумительной вѣрностью, совершенно независимо отъ того, переживалъ ли онъ ихъ когда нибудь или нѣтъ, могъ ли онъ переживать ихъ или нѣтъ. Вѣдь не могъ же Толстой проводить ночи въ женской арестантской камерѣ; а, однако, что можетъ быть вѣрнѣе, правдивѣе, живѣе того изображенія, которое онъ даетъ обитательницамъ камеры Масловой со всѣмъ ихъ душевнымъ состояніемъ, съ ихъ помыслами и желаніями. Фигуры:

насупленной, морщинистой Кораблевой — старостихи этой камеры;

старушки Меньшовой, невинно обвинявшейся вмѣстѣ съ сыномъ въ поджогѣ и переносившей свое заключеніе съ величайшимъ добродушіемъ („такая старушка чудесная", говоритъ про нее Маслова, прося для нея и сына заступничества у Нехлюдова);

рыжей арестантки, подравшейся съ Кораблевой и затѣмъ плакавщей на нарахъ, думая, что никто ея не слышитъ, какъ дитя, стеная и сопя носомъ и глотая соленыя слезы, о томъ, что ее сейчасъ обругали, прибили и не дали вина, и о томъ, что она во всей жизни своей ничего не видала, кромѣ ругательствъ, насмѣшекъ, оскорбленій и побоевъ, и, наконецъ, отъ воспоминаній объ обидномъ концѣ, какой имѣла первая любовь ея къ фабричному Ѳедькѣ Молоденкову;

корчемницы, содержавшейся съ двумя малыми дѣтьми, потому что не съ кѣмъ было оставить ихъ, которая, держа

дѣвочку между ногъ и быстрыми пальцами ища у нея въ головѣ, между тѣмъ, говорила про себя: „Зачѣмъ виномъ торгуешь?—А чѣмъ же дѣтей кормить";

арестантки, прозывавшейся за щегольство Хорошавкой, ростомъ съ десятилѣтнюю дѣвочку, черноватой, нескладной, съ длинной спиной и совсѣмъ короткими ногами;

высокой, статной дочери дьячка, утопившей въ колодцѣ своего ребенка, которая маніакально, не обращая никакого вниманія на то, что̀ происходило вокругъ нея, ходила босая и въ одной грязной сѣрой рубахѣ взадъ и впередъ по свободному мѣсту камеры, круто и быстро поворачиваясь, когда доходила до стѣны;—

всѣ эти фигуры стоятъ передъ глазами, какъ изваянныя, и, можно смѣло сказать, увѣковѣчены Толстымъ навсегда; онѣ вмѣстѣ со своей обстановкой, навѣрное, будутъ жить въ умахъ людей столько же, сколько суждено во всемірной литературѣ сохранить свое мѣсто произведеніямъ разныхъ корифеевъ литературы и въ томъ числѣ плодамъ геніальной фантазіи Данте, до наглядности возсоздавшей круги самаго Ада.

Толстой, изображая кого-нибудь, тотчасъ какъ бы самъ преображается собственными чувствами и понятіями въ изображаемое лицо. Когда онъ описываетъ ненатуральное состояніе всей аудиторіи, которую собрала у себя въ гостинной графиня Чарская для англійскаго проповѣдника Кизиветера, то въ то время, когда другіе становятся на колѣна или потихоньку плачутъ, кучеръ графини, приглашенный также въ числѣ слушателей, только „удивленно и испуганно смотрѣлъ на нѣмца, точно онъ наѣзжалъ на него дышломъ, а онъ не сторонился".

Да, вѣдь, Толстой умѣетъ съ потрясающей живостью изобразить состояніе ребенка въ утробѣ матери. Вспомнимъ только Катюшу, когда она ночью выбѣгала на станцію, чтобы повидаться съ Нехлюдовымъ, а онъ проѣхалъ мимо, даже не выглянувъ въ окно вагона. Она рѣшила броситься сейчасъ же подъ вагонъ.

Но тутъ же, какъ это и всегда бываетъ въ первую минуту затишья послѣ волненія, онъ, ребенокъ—его ребенокъ, который былъ

въ ней, вдругъ вздрогнулъ, стукнулся и плавно потянулся и опять застучалъ чѣмъ-то тонкимъ, нѣжнымъ и острымъ. И вдругъ все то, что за минуту такъ мучило ее, что казалось нельзя было жить, вся злоба на него и желаніе отмстить ему хоть своей смертью, все это вдругъ отдалилось.

Этой сценой мастерски обрисована картина, почему Катюша не поступила такъ, какъ, бросившаяся отъ несчастной любви въ прудъ, героиня ея любимой тургеневской повѣсти „Затишье".

Къ числу незабвенныхъ страницъ такого рода не можетъ, наконецъ, не быть отнесенъ пересказъ въ какъ будто слишкомъ даже простыхъ образахъ, на самомъ же дѣлѣ трагически сильно и потрясающе, картины смертной казни и предсмертныхъ мукъ казнимыхъ. Это разсказъ Крыльцова о своихъ злоключеніяхъ, сдѣлавшихъ его революціонеромъ.

— Въ тюрьмѣ, куда меня посадили,—разсказывалъ Крыльцовъ Нехлюдову (онъ сидѣлъ со своей впалой грудью на высокихъ нарахъ, облокотившись на колѣни, и только изрѣдка взглядывалъ блестящими, лихорадочными, прекрасными глазами на Нехлюдова),—въ тюрьмѣ этой не было особенной строгости; мы не только перестукивались, но и ходили по коридору, переговаривались, дѣлились провизіей, табакомъ и по вечерамъ даже пѣли хоромъ. У меня былъ голосъ хорошій. Да. Если-бы не мать,—она очень убивалась,—мнѣ бы хорошо было въ тюрьмѣ, даже пріятно и очень интересно. Здѣсь я познакомился, между прочимъ, съ знаменитымъ Петровымъ (онъ потомъ зарѣзался стекломъ въ крѣпости), и еще съ другими. Но я не былъ революціонеромъ. Познакомился я также съ двумя сосѣдями по камерѣ. Они попались въ одномъ и томъ же дѣлѣ съ польскими прокламаціями и судились за попытку освободиться отъ конвоя, когда ихъ вели на желѣзную дорогу. Одинъ былъ полякъ Лозинскій, другой еврей, Розовскій—фамилія. Да. Розовскій этотъ былъ совсѣмъ мальчикъ. Онъ говорилъ, что ему семнадцать, но на видъ ему было лѣтъ пятнадцать. Худенькій, маленькій, съ блестящими черными глазами, живой, и, какъ всѣ евреи, очень музыкаленъ. Голосъ у него еще ломался, но онъ прекрасно пѣлъ. Да. При мнѣ ихъ обоихъ водили въ судъ. Утромъ отвели. Вечеромъ они вернулись и разсказали, что ихъ присудили къ смертной казни. Никто этого не ожидалъ. Такъ неважно было ихъ дѣло—они только попытались отбиться отъ конвоя и никого не ранили даже. И потомъ, такъ неестественно, чтобы можно было такого ребенка, какъ Розовскій, казнить. И мы всѣ въ тюрьмѣ рѣшили, что это только, чтобы напугать, и что приговоръ не будетъ конфирмованъ. Поволновались сначала, а потомъ успокоились, и жизнь пошла по-старому. Да. Только разъ вечеромъ подходитъ къ моей двери сторожъ и таинственно сообщаетъ, что пришли плотники, ставятъ висѣлицу: я сначала не понялъ,—что такое? какая висѣлица? Но, сторожъ, старикъ, былъ такъ взволнованъ, что, взглянувъ на него, я понялъ, что это для нашихъ двухъ. Я хотѣлъ постучать, переговориться съ товарищами, но боялся, какъ бы тѣ не услыхали. Товарищи тоже молчали. Очевидно, всѣ знали. Въ корридорѣ и камерахъ весь вечеръ была мертвая тишина. Мы не перестукивались и не пѣли. Часовъ въ десять опять подошелъ ко мнѣ сторожъ и объявилъ, что палача привезли изъ Москвы. Сказалъ и отошелъ. Я сталъ его звать, чтобы вернулся. Вдругъ, слышу, Розовскій изъ своей камеры черезъ корридоръ кричитъ мнѣ: „что вы? зачѣмъ вы его зовете"? Я сказалъ что-то, что онъ табакъ мнѣ приносилъ, но онъ точно догадывался и сталъ спрашивать меня: отчего мы не пѣли? отчего не перестукивались? Не помню, что я сказалъ ему, и поскорѣе отошелъ, чтобы не говорить съ нимъ. Да. Ужасная была ночь. Всю ночь прислушивался ко всѣмъ звукамъ. Вдругъ къ утру слышу—отворяютъ двери корридора и идутъ кто-то, много. Я сталъ у окошечка. Въ корридорѣ горѣла лампа. Первый прошелъ смотритель. Толстый былъ, казалось самоувѣренный рѣшительный человѣкъ. На немъ лица не было: блѣдный, понурый, точно испуганный. За нимъ помощникъ—нахмуренный съ рѣшительнымъ видомъ; сзади караулъ. Прошли мимо моей двери и остановились передъ камерой рядомъ. И слышу—помощникъ какимъ-то страннымъ голосомъ кричитъ: „Лозинскій, вставайте, надѣвайте чистое бѣлье". Да. Потомъ слышу, завизжала дверь, они прошли къ нему, потомъ слышу шаги Лозинскаго: онъ пошелъ въ противоположную сторону корридора. Мнѣ видно было только смотрителя. Стоитъ блѣдный и растегиваетъ и застегиваетъ пуговицу и пожимаетъ плечами. Да. Вдругъ точно испугался чего, посторонился. Это Лозинскій прошелъ мимо него и подошелъ къ моей двери. Красивый былъ юноша, знаете, того хорошаго польскаго типа: широкій, прямой лобъ съ шапкой бѣлокурыхъ вьющихся тонкихъ волосъ и прекрасные голубые глаза. Такой цвѣтущій, сочный, здоровый былъ юноша. Онъ остановился передъ моимъ окошечкомъ, такъ что мнѣ видно было все его лицо. Страшное, осунувшееся, сѣрое лицо. „Крыльцовъ, папиросы есть"? Я хотѣлъ подать ему, но помощникъ, какъ будто боясь опоздать, выхватилъ свой портсигаръ и подалъ ему. Онъ взялъ одну папироску, помощникъ зажегъ ему спичку. Онъ сталъ курить и какъ будто задумался. Потомъ точно вспомнилъ что-то и началъ говорить: „И жестоко и несправедливо. Я никакого преступленія не сдѣлалъ. Я...."—въ бѣлой молодой шеѣ его, отъ которой я не могъ оторвать глазъ, что-то задрожало, и онъ остановился. Да. Въ это время, слышу, Розовскій изъ корридора кричитъ что-то своимъ тонкимъ, еврейскимъ голосомъ. Лозинскій бросилъ

окурокъ и отошелъ отъ двери. И въ окошечкѣ появился Розовскій. Дѣтское лицо его съ влажными черными глазами было красно и потно. На немъ было тоже чистое бѣлье и штаны были слишкомъ широки, и онъ все подтягивалъ ихъ обѣими руками и весь дрожалъ. Онъ приблизилъ свое жалкое лицо къ моему окошечку: „Анатолій Петровичъ, вѣдь правда, что докторъ прописалъ мнѣ грудной чай? Я нездоровъ, я выпью еще грудного чаю“. Никто не отвѣчалъ и онъ вопросительно смотрѣлъ, то на меня, то на смотрителя. Что онъ хотѣлъ этимъ сказать—я такъ и не понялъ. Да. Вдругъ помощникъ сдѣлалъ строгое лицо и опять какимъ то визгливымъ голосомъ закричалъ: „Что за шутки? Идемъ“. Розовскій, очевидно, не въ силахъ былъ понять того, что его ожидало, и, какъ будто торопясь, пошелъ, почти побѣжалъ впереди всѣхъ по корридору. Но потомъ онъ уперся—я слышалъ его пронзительный голосъ и плачъ. Началась возня, топотъ ногъ. Онъ пронзительно визжалъ и плакалъ. Потомъ дальше и дальше,—зазвенѣла дверь корридора, и все затихло... Да. Такъ и повѣсили. Веревками задушили обоихъ. Сторожъ, другой, видѣлъ и разсказывалъ мнѣ, что Лозинскій не противился, но Розовскій долго бился, такъ что его втащили на эшафотъ и силой вложили ему голову въ петлю. Да. Сторожъ этотъ былъ глуповатый малый. „Мнѣ говорили, баринъ, что страшно. А ничего не страшно. Какъ повисли они—только два раза такъ плечами“,—онъ показалъ, какъ судорожно поднялись и опустились плечи.—„Потомъ палачъ подернулъ, чтобы, значитъ, петли затянулись получше, и шабашъ: и не дрогнули больше. Ничего не страшно“,—повторилъ Крыльцовъ слова сторожа и хотѣлъ улыбнуться, но вмѣсто улыбки разрыдался.

Долго послѣ этого онъ молчалъ, тяжело дыша и глотая подступавшія къ его горлу рыданія.

— Съ тѣхъ поръ я и сдѣлался революціонеромъ. Да,—сказалъ онъ.

Мы видѣли, что Толстого въ картинѣ суда болѣе всего поражаетъ теперь, какъ поражало и много лѣтъ назадъ, то, что судъ вовсе не занимается тѣмъ, что есть единственный интересъ, ради котораго людямъ стоило собираться, что вопросы суда „оставляютъ въ сторонѣ сущность жизненнаго дѣла“ и даже „исключаютъ возможность раскрытія этой сущности“. Спрашивается: это въ его наблюденіи есть ли плодъ предвзятаго взгляда на представляющуюся его взору картину или же въ живой дѣйствительности есть черты, дающія ему поводъ къ такому обобщенію? Для того, чтобы тутъ правильно понять Толстого, не лишне будетъ прибѣгнуть къ прежнему нашему пріему, т. е. мысленно представить намъ себя присутствующими при картинѣ суда въ давнопрошедшія времени такъ, какъ будто она происходитъ теперь на нашихъ глазахъ.

Въ оно время существовали, напримѣръ, ордаліи. Это былъ особый процессуальный пріемъ, которымъ судьи доходили до убѣжденія въ виновности обвиняемаго и по результатамъ котораго они рѣшали, подвергать ли его наказанію или нѣтъ? Ордаліи существовали въ видѣ, такъ называемой, пробы водой или огнемъ. Вотъ какую картину процесса, основаннаго на пробѣ водой, рисуютъ намъ сборники англо-саксонскихъ законовъ X-го столѣтія:

Когда проба должна была быть примѣнена, обвиняемаго приводили въ церковь. Зрители ставились въ двѣ равныя шеренги: одна на одной сторонѣ церкви, другая—на другой; одна изображала какъ бы друзей обвиняемаго, другая—друзей обвинителя. Между ними посрединѣ церкви горѣлъ огонь, который долженъ былъ обѣлить или очернить обвиняемаго. Всѣ, кто былъ на лицо, предполагались постящими и чистыми, Священникъ прохаживался взадъ и впередъ, окропляя каждаго святой водой и давая испить ея. Каждому онъ давалъ цѣловать крестъ и евангеліе. Между тѣмъ, сосудъ ордаліи, наполненный водою, ставился на огонь. Четыре посредника, избранные по два отъ каждой стороны, наконецъ, объявляли, что вода закипѣла—требуемый моментъ наступилъ. Тогда остальные собравшіеся, до тѣхъ поръ хранившіе торжественное молчаніе, возносили сообща молитву Всемогущему Богу, чтобы Онъ обнаружилъ въ предстоящей пробѣ свою волю. Послѣ того обвиняемый приближался къ мѣсту испытанія, протянувъ руку, обмотанную нѣсколько разъ опредѣленной матеріею или полотномъ. На днѣ сосуда глубиною по локоть лежалъ камень. Его обвиняемый долженъ былъ безъ ожога выхватить оттуда. Сдѣлать это онъ долженъ былъ, будучи почти слѣпымъ отъ дыма горящихъ дровъ, отъ пара кипящаго котла и отъ страха, который долженъ былъ бы обуять его, независимо отъ того, былъ ли онъ виновенъ или нѣтъ. На этомъ оканчивался первый актъ пробы. Спустя три дня

происходила заключительная церемонія, когда снимались бинты и обнажалась рука. Если мясо на ней было не повреждено, это истолковывалось, какъ проявленіе воли Бога къ оправданію; но если обнаруживался малѣйшій слѣдъ ожога, это почиталось указаніемъ на гнѣвъ небесный, обнаружившій виновнаго, и сей послѣдній долженъ былъ поэтому подвергнуться страданіямъ, соотвѣтственно важности дѣянія и жестокимъ нравамъ времени [1]).

Не представляется ли въ нашихъ глазахъ эта картина какою-то жестокой забавой, занятіемъ, которому серьезно могутъ предаваться развѣ одни безумцы? А вѣдь такимъ именно путемъ въ тѣ времена люди считали себя добывающими абсолютную правду въ дѣлѣ правосудія. Въ картинѣ этой не только насъ поражаетъ, что люди полагали обрѣсти доказательство вины изъ совершенно логически несообразныхъ данныхъ, ибо какое же въ самомъ дѣлѣ соотношеніе между тѣмъ, совершилъ ли данный субъектъ приписываемое ему убійство или не совершилъ, и тѣмъ, насколько воспріимчива кожа его рукъ къ ожогу и насколько скоро могутъ у него зажить слѣды ожога? Но не это насъ съ современной точки зрѣнія больше всего поражаетъ, такъ какъ мы знаемъ же, что люди въ то время не столько полагались на силы своего собственнаго разума, сколько на указанія воли Божьей, добывавшіяся такими манипуляціями; а поражаетъ больше то, какъ люди не задумывались тогда вовсе, кромѣ вопроса о томъ, совершилъ ли обвиняемый или не совершилъ приписываемаго ему дѣянія, надъ вопросомъ о томъ, если и доказано, что онъ совершилъ, то что же побудило его на совершеніе этого дѣянія? и какъ, не задаваясь даже этимъ вопросомъ, люди почитали себя въ правѣ подвергать своего ближняго мучительнымъ наказаніямъ и самой смерти. То самое и въ такой же степени поражаетъ Толстого въ картинѣ современнаго уголовнаго суда.

Толстой, подобно Беллями съ его „Looking backward“, смотритъ на настоящее глазами будущаго и видитъ его не

[1]) L. O. Pike „A History of crime in England“, v. I, p. 53.

фантастически, а живо, реально такъ, какъ мы способны видѣть лишь воспроизводимыя передъ нами картины отдаленнаго прошлаго. Для него преступленіе окончательно перестало быть послѣдствіемъ злой воли отдѣльнаго человѣка, оно все безъ остатка разложимо на составныя части, получающіяся отъ дурного примѣра въ окружающемъ, отъ малой заботливости о ближнемъ, отъ своекорыстія и эгоизма, лежащихъ въ основѣ существующаго экономическаго строя.

Вѣдь, очевидно,—размышлялъ Нехлюдовъ по поводу суда надъ мальчикомъ, укравшимъ старые половики,—что мальчикъ этотъ не какой-то особенный злодѣй, а самый обыкновенный (это видятъ всѣ) человѣкъ, и что сталъ онъ тѣмъ, что̀ есть, только потому, что находился въ такихъ условіяхъ, которыя порождаютъ такихъ людей. И потому, кажется, ясно, что для того, чтобы не было такихъ мальчиковъ, нужно постараться уничтожить тѣ условія, при которыхъ образуются такія несчастныя существа. Вѣдь стоило только найтись человѣку,—думалъ Нехлюдовъ, глядя на болѣзненное, запуганное лицо мальчика,—который пожалѣлъ бы его, когда его еще отъ нужды отдавали изъ деревни въ городъ, и помочь этой нуждѣ, или даже когда онъ уже былъ въ городѣ и послѣ 12 часовъ работы на фабрикѣ, шелъ съ увлекшими его старшими товарищами въ трактиръ,—если бы тогда нашелся человѣкъ, который сказалъ бы: „не ходи, Ваня, не хорошо“, мальчикъ не пошелъ бы, не заболтался и ничего бы не сдѣлалъ дурного. Но такого человѣка, который пожалѣлъ бы, не нашлось ни одного во все то время, когда онъ, какъ звѣрекъ, жилъ въ городѣ свои года ученія и, обстриженный подъ гребенку, чтобы не разводить вшей, бѣгалъ мастерамъ за покупкой; напротивъ, все, что онъ слышалъ отъ мастеровъ и товарищей съ тѣхъ поръ, какъ онъ живетъ въ городѣ, было то, что молодецъ тотъ, кто обманетъ, кто выпьетъ, кто обругаетъ, кто прибьетъ, развратничаетъ.

Когда же онъ, больной и испорченный отъ нездоровой работы, пьянства, разврата, одурѣлый и шальной, какъ во снѣ, шлялся безъ цѣли по городу и сдуру залѣзъ въ какой-то сарай и вытащилъ оттуда никому ненужные половики, мы не то что позаботились о томъ, чтобы уничтожить тѣ причины, которыя довели этого мальчика до его теперешняго положенія, а хотимъ поправить дѣло тѣмъ, что будемъ казнить этого мальчика...

Ужасно!

Таковы разсужденія объ этомъ Нехлюдова. Преступленіе же Масловой въ связи съ ея біографіею показываютъ

наглядно, какими незамѣтными шагами приближается человѣкъ въ современномъ строѣ къ преступной карьерѣ. Превращеніе Масловой, дочери дворовой скотницы и проѣзжаго цыгана, въ проститутку, послѣ того, какъ она сперва была обласкана господами, потомъ обезчещена Нехлюдовымъ, а затѣмъ пошла по домамъ горничною, какъ нельзя болѣе натурально. Проституція же и преступленіе—близнецы соціальной невзгоды, имѣющіе общій корень и постоянно переплетающіеся побѣги въ тѣсномъ союзѣ съ алькоголизмомъ. Далѣе, расправа съ закутившимъ купцомъ—толстосумомъ Смѣльковымъ почти роковымъ образомъ вытекаетъ изъ его развлеченій въ притонѣ (пользующемся, однако, охраной закона) и въ гостинницѣ при содѣйствіи услужливыхъ на этотъ счетъ номернаго и номерантки—сообщниковъ преступленія Масловой. А по своей натурѣ Маслова доброе и хорошее существо. Про нее свидѣтельница, нѣмка—Китаева, содержательница притона, говоритъ „дѣвушка образованный и шикарна, воспитывался въ хорошій семейство и по-французски могли читать. Онъ пилъ иногда немного лишняго, но никогда не забывался. Совсѣмъ хорошій дѣвушка“. Подтвержденіемъ искренности свидѣтельницы въ этомъ отношеніи служитъ то, что она послѣ приговора суда послала ей черезъ пристава три рубля („выбравъ изъ довольно большаго количества купоновъ, только что срѣзанныхъ съ билетовъ, заработанныхъ ею, одинъ—въ 2 рубля 50 коп. и присоединивъ къ нему два двугривенныхъ и еще гривенникъ“). Главнымъ поворотомъ въ судьбѣ Масловой послужила, конечно, гадость, учиненная надъ нею Нехлюдовымъ. Это сразу онъ себѣ живо и представилъ, какъ только узналъ въ женщинѣ на скамьѣ подсудимыхъ Катюшу Маслову; послѣ чего все время судебнаго разбирательства онъ „чувствовалъ себя въ положеніи того щенка, который дурно велъ себя въ комнатахъ, и котораго хозяинъ, взявъ за шиворотъ, тычетъ носомъ въ ту гадость, которую онъ сдѣлалъ“. Еще болѣе сознавала это сама Маслова, поэтому энергично сперва сопротивлявшаяся его заступничеству и на свиданіи въ тюрьмѣ, будучи подвыпивши, на него закричавшая: „ты мной въ этой жизни услаждался, мной-же хочешь и на томъ свѣтѣ спастись! Уйди, уйди ты!“ Прежнее чувство къ Нехлюдову и добрая душа ея лишь постепенно возвращаются къ ней подъ вліяніемъ среды, въ которой она невзначай очутилась въ пересыльномъ этапѣ. Началось же это съ того, что она перестала пить.

Въ болѣе обобщенномъ видѣ высказываетъ Нехлюдовъ свои чувства и мысли по данному вопросу при сортировкѣ, которую онъ въ умѣ дѣлаетъ всему тюремному населенію.

Пятый разрядъ, наконецъ, составляли люди, передъ которыми общество было гораздо больше виновато, чѣмъ они предъ обществомъ. Это были люди заброшенные, одуренные постояннымъ угнетеніемъ и соблазнами, какъ тотъ мальчикъ съ половиками и сотни другихъ людей, которыхъ онъ видѣлъ въ острогѣ и внѣ его, которыхъ условія жизни какъ будто систематически доводятъ до необходимости того поступка, который называется преступленіемъ. Къ такимъ людямъ принадлежали, по его наблюденіямъ, очень много воровъ и убійцъ, съ нѣкоторыми изъ которыхъ онъ за это время приходилъ въ сношеніе. Къ этимъ людямъ онъ, ближе узнавъ ихъ, причислилъ и тѣхъ развращенныхъ, испорченныхъ людей, которыхъ новая школа называетъ преступнымъ типомъ и существованіе которыхъ въ обществѣ признается главнымъ доказательствомъ необходимости уголовнаго закона и наказанія. Эти, такъ-называемые, испорченные, преступные, ненормальные типы были, по его мнѣнію, не что иное, какъ такіе же люди, какъ и тѣ, передъ которыми общество виновато болѣе, чѣмъ они передъ обществомъ, но передъ которыми общество виновато не непосредственно передъ ними самими теперь, а въ прежнее время виновато еще предъ родителями и предками.

Ясно, такимъ образомъ, что для Толстого преступленіе настолько лишь подлежитъ изслѣдованію, какъ общественное явленіе, насколько въ немъ получило реальное выраженіе то общественное зло, которое его породило, что *нынѣшнее преступленіе есть наказаніе обществу* въ лицѣ того или другого преступника, съ которымъ ему приходится возиться, за господствующее своекорыстіе, безучастіе къ ближнему и общее нравственное растлѣніе, и что потому каждый новый случай преступности есть только новый указатель общественнаго зла, подлежащаго на немъ констатированію и провѣркѣ; каждое преступленіе есть для общества новый плодъ грѣховъ его, вродѣ новаго купона съ

билетовъ, „заработанныхъ“ Китаевою; преступникъ-же это подобіе раковины, собирающей, сообразно строенію своихъ извилинъ, звуковыя волны окружающаго, ближайшаго и отдаленнаго, и въ видѣ особаго шума ихъ же отражающей. Въ современномъ же уголовномъ процессѣ, болѣющая за несчастнаго ближняго, душа Толстого чувствуетъ одно сплошное воплощеніе противоположныхъ началъ. И что касается дѣйствительности, то нельзя не признать, что процессъ изслѣдованія дѣла на судѣ всѣмъ построеніемъ своимъ долженъ былъ въ этомъ отношеніи бить его какъ по больному мѣсту. Драматической иллюстраціею негодности пріемовъ уголовнаго процесса для произнесенія приговора надъ человѣкомъ служитъ то, какъ мало все провѣрявшееся на судѣ надъ Масловою имѣетъ общаго съ дѣйствительностью изъ ея прошлаго извѣстною Нехлюдову, очутившемуся въ составѣ присяжныхъ. Контрастъ тутъ такъ чувствителенъ, что знаніе и сознаніе дѣйствительности не помогло, а помѣшало Нехлюдову исполнить свою обязанность. Вѣдь и теорія современнаго процесса (беремъ для примѣра учебникъ профессора Случевскаго, оберъ-прокурора уголовнаго кассаціоннаго департамента) объ этомъ прямо гласитъ: „Судъ преслѣдуетъ въ своей дѣятельности чисто практическія цѣли. Признавая, въ интересахъ правовой жизни, необходимымъ путемъ примѣненія уголовной кары охранять эти интересы отъ преступныхъ посягательствъ, законодательство возложило на судъ обязанность по каждому уголовному дѣлу изслѣдовать, вмѣщаетъ ли въ себѣ осуществившаяся въ событіи совершеннаго преступленія воля виновника его тѣ признаки сознанія и волимости (?!), которыми характеризуется преступность этой воли и обусловливается необходимость примѣненія соотвѣтствующей уголовной кары. Такимъ образовъ, ни причины, создавшія уголовное преступленіе, ни тѣ условія, которыя оказали вліяніе на образованіе этихъ причинъ, а исключительно только преступная воля виновника преступленія, осуществившаяся въ данномъ преступномъ дѣяніи, служитъ объектомъ изслѣдованія уголовнаго суда“ (стр. 506). Точно такъ и другой профессоръ—Таганцевъ (нынѣ первоприсутствующій уголовнаго кассаціоннаго департамента) въ изложенномъ имъ рѣшеніи Сената (1895 г. № 17) по вопросу о предѣлахъ судебнаго изслѣдованія дѣла говоритъ для руководства судей, ссылаясь при этомъ на мотивы составителей уставовъ, требовавшихъ „открытія въ каждомъ дѣлѣ безусловной истины“, слѣдующее: „Взглядъ, высказанный по данному дѣлу защитникомъ, раздѣляемый, какъ видно изъ другихъ дѣлъ, и нѣкоторыми изъ лицъ, участвующихъ или руководящихъ производствомъ предварительныхъ слѣдствій, о томъ, что подробное разслѣдованіе и предъявленіе на судѣ всякихъ обстоятельствъ, имѣющихъ какое-либо близкое или отдаленное, прямое или косвенное отношеніе къ преступленію или преступнику, не только не можетъ повредить суду при разрѣшеніи дѣла, а что, напротивъ того, всякое ограниченіе свободы представленія всякихъ доказательствъ сторонами было бы препятствіемъ справедливому выясненію виновности подсудимаго,—взглядъ этотъ представляется неправильнымъ по существу и несоотвѣтствующимъ основнымъ положеніямъ устава уголовнаго судопроизводства... Отправною точкою уголовнаго разслѣдованія является событіе преступленія со всей его обстановкою, опредѣляющею родъ, составъ, условія, и юридическое значеніе учиненнаго, включая сюда и нашедшую выраженіе въ этой обстановкѣ преступную волю, но оставляя за предѣлами изслѣдованія все то, что хотя можетъ имѣть интересъ для выясненія общественнаго или экономическаго значенія учиненнаго, или особенностей извѣстной среды, класса, къ коему принадлежитъ преступникъ, но не можетъ имѣть значенія для примѣненія справедливой кары за совершившееся, такъ какъ судъ призванъ не къ раскрытію и выясненію общественныхъ золъ и неустройствъ, а лишь къ справедливому примѣненію закона“.

Одного голаго сопоставленія приведенныхъ текстовъ съ тенденціею романа уже совершенно достаточно для того, чтобы видѣть, какъ противоположны существующіе суды тому, чего ждетъ Толстой отъ общественнаго учрежденія, и какими глазами, поэтому, онъ долженъ смотрѣть на происходящую на судѣ процедуру.

Въ ней его особенно поражаетъ формулировка вопросовъ, предлагаемыхъ на разрѣшеніе присяжнымъ. Несчастный приговоръ надъ Масловой является въ послѣднемъ фазисѣ послѣдствіемъ того, что присяжнымъ былъ недостаточно вразумителенъ текстъ вопроса и значеніе словъ, которыя они соотвѣтственно тексту должны были включить въ свой отвѣтъ. Не сказавъ въ отвѣтѣ: „Да, но безъ намѣренія лишить жизни", они, безъ желанія на то, подвергли Маслову отвѣтственности какъ за сознательное убійство.

Наконецъ-то ставится вопросъ, въ которомъ сгруппировано все, для чего судятъ человѣка, для подготовленія къ чему потрачено столько усилій предварительнымъ и судебнымъ слѣдствіемъ, и что же представляетъ этотъ вопросъ? Какую-то абракадабру, въ которой и разобраться непривычному человѣку невозможно; не живымъ человѣческимъ языкомъ задается присяжнымъ роковой для подсудимаго вопросъ, а въ выраженіяхъ, скорѣе напоминающихъ ворожбу или заклинанія. Формулировка вопроса, составляющая кульминаціонный пунктъ всего уголовнаго разслѣдованія, и представляется Толстому верхушкой какого-то нарыва, натягиваемаго совокупными усиліями разныхъ властей по поводу преступнаго факта.

Какъ бы въ подкрѣпленіе реальности того значенія, какое Толстой усмотрѣлъ въ недоступности простымъ смертнымъ судебнаго языка, которымъ пишутся вопросы, и невозможности освоиться съ нимъ, произошелъ, послѣ появленія его романа, въ этомъ родѣ инциндентъ въ тульскомъ окружномъ судѣ по пріобрѣвшему громкую извѣстность дѣлу Николая Грязнаго, оправданнаго присяжными въ отцеубійствѣ, не взирая на призчаніе. Оправданіе это прокуратурой какъ разъ приписывалось недостаточно вразумительному для присяжныхъ смыслу выраженій въ текстѣ вопроса: „съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ" и „по предварительному соглашенію съ другими лицами", которыя они было хотѣли отвергнуть, давъ на вопросъ о самой виновности утвердительный отвѣтъ. О путаницѣ въ ихъ понятіяхъ, этимъ доказываемой, говорилъ очень подробно въ своемъ заключеніи въ сенатѣ оберъ-прокуроръ В. К. Случевскій. Въ заключеніи этомъ, гдѣ имѣется и ссылка на рѣшеніе 1895 года за № 17, онъ, между прочимъ, поддерживалъ доводы протеста, оспаривающіе правильность приговора еще и на томъ основаніи, что по просьбѣ обвиняемаго судъ допустилъ къ допросу свидѣтелей о томъ, что „покойный отецъ Грязнова истязалъ, билъ смертнымъ боемъ все свое семейство и даже свою мать, которая неоднократно на это жаловалась священнику"; въ этомъ оберъ-прокуроръ усматривалъ привнесеніе въ дѣло побочныхъ обстоятельствъ, къ нему якобы совсѣмъ не идущихъ [1]).

По поводу реальности, которую придаетъ своимъ впечатлѣніямъ и мыслямъ Толстой, тутъ кстати будетъ задать себѣ вопросъ: зачѣмъ онъ для своей темы, для изображенія ходульности по формѣ и жестокости по существу всей карательной системы взялъ случай осужденія невинной? Не было ли бы цѣлесообразнѣе взять случай, когда кара постигаетъ человѣка, какъ говорится, заслуженно, по дѣламъ его, и показать тогда, до чего, не взирая и на вину, кара жестока и несправедлива?

Толстой не сочиняетъ, а творитъ, и творитъ не изъ прекраснаго далека, не пареніемъ сверху надъ описываемыми событіями, а изъ средины ихъ, живо становясь въ самый ихъ центръ. Получилась бы искусственная, непохожая на дѣйствительность картина, если бы онъ изобразилъ въ Нехлюдовѣ филантропа, загорѣвшагося негодованіемъ противъ карательной системы и на этомъ основаніи принявшаго столь близкое участіе въ судьбѣ Масловой. Это не былъ бы романъ, проникнутый живой дѣйствительностью. При существующемъ взглядѣ на вещи, который нѣтъ основанія думать, чтобы не раздѣлялъ Нехлюдовъ, осужденіе Масловой на

[1]) „Журналъ Министерства Юстиціи", 1900 г., мартъ, стр. 235.— Судебной нашей практикѣ извѣстно много случаевъ путаницы въ приговорѣ отъ путаннаго нагроможденія словъ въ вопросѣ; напр. тотъ, когда на вопросъ о виновности одной крестьянки въ покушеніи на отравленіе мужа ядомъ, подсыпаннымъ въ молоко, присяжные, послѣ продолжительнаго совѣщанія, дали такой отвѣтъ: „да, виновна, но молока не давала, а снисхожденія заслуживаетъ".

каторгу за дѣйствительно учиненное убійство и его заставило бы отвернуться отъ нея. Можетъ быть, онъ тогда изъ сознанія своей давнишней вины предъ нею далъ бы ей чрезъ какое-нибудь этапное начальство сотню-другую рублей, но болѣе этого онъ ничего не сдѣлалъ бы. Теперь же къ сознанію своей вины предъ нею прибавилось убѣжденіе въ ея невиновности и потому только душевная потребность измѣнить ея участь доводитъ его до той рѣшимости, которая должна перевернуть всю его собственную жизнь. Психологическимъ же объясненіемъ неожиданности и экстравагантности принятаго Нехлюдовымъ лично рѣшенія служитъ то, что, вѣдь, будучи педантомъ, чистехой, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и оболтусъ, „ужасный оболтусъ", какъ выразилась про него тетушка графиня Чарская при упоминаніи объ его намѣреніи жениться на Масловой, вѣрно передавая этимъ умственное и нравственное состояніе племянника въ ея глазахъ, и прибавивъ: „Но я тебя именно за это люблю, что ты такой ужасный оболтусъ". Въ дѣйствительности онъ еще смолоду былъ „однимъ изъ тѣхъ людей, для которыхъ жертва во имя нравственныхъ требованій составляетъ высшее духовное наслажденіе".—Опять-таки надо сказать, что если бы Нехлюдовъ прочиталъ въ газетѣ объ осужденіи Масловой, изъ описанія узналъ въ ней жертву своей прихоти и при этомъ получилъ даже какимъ-нибудь путемъ несомнѣнное убѣжденіе въ ея невиновности въ дѣяніи, за которое она осуждена, и это не послужило бы живымъ и правдоподобнымъ стимуломъ, при нынѣшнихъ отношеніяхъ людей, къ тому, чтобы онъ почувствовалъ непреодолимое желаніе, вопреки раздѣляющей ихъ общественной безднѣ, совершить для нея то, что онъ совершаетъ на нашихъ глазахъ въ романѣ. Натуральнымъ его душевное стремленіе, превратившееся въ самоотверженное дѣло, становится только потому, что и виновникомъ этого неправильнаго осужденія явился онъ же самъ, Нехлюдовъ. Жизненность идеи романа и заключается въ необыкновенной завязкѣ его, въ томъ, что Нехлюдовъ, будучи виновникомъ того, что вся жизнь Масловой искалѣчена, сдѣлался еще и участникомъ жестокой судебной расправы надъ нею. „Нельзя-говоритъ себѣ Нехлюдовъ—бросить женщину, которую я любилъ, и удовлетвориться тѣмъ, что я заплачу деньги адвокату и избавлю ее отъ каторги, которой она и не заслуживаетъ: загладить вину деньгами, какъ я тогда думалъ"...

Итакъ, отнюдь не должно думать, что Толстой, строя свой романъ на судебной ошибкѣ, хотѣлъ изобразить несовершенство нашихъ процессуальныхъ порядковъ, благодаря которымъ можетъ легко подвергнуться осужденію невинный. Такое заключеніе было бы такъ же ошибочно, какъ если бы кто нибудь сталъ дѣлать заключеніе изъ того, что въ романѣ измѣненіе участи Масловой, какого невозможно было добиться въ судебныхъ инстанціяхъ, получено благодаря административнымъ представленіямъ, что Толстой хотѣлъ порядокъ административнаго усмотрѣнія представить стоящимъ выше судебнаго. Не судебная ошибка занимаетъ Толстого, какъ напр., занимало Вольтера осужденіе невиннаго Калласа, а моральная ошибка самого существованія уголовнаго суда. Для него грѣхъ судебнаго процесса не во внѣшностяхъ, а въ самомъ его корнѣ. Въ существѣ его онъ видитъ продуктъ полнаго безчувствія сердцемъ къ ближнему и одного лишь своекорыстнаго стремленія людского оберегать свою священную персону и неприкосновенность своего имущества, какихъ бы то это ни стоило насилій надъ ближнимъ. Отъ этого получается такое впечатлѣніе описываемой Толстымъ судебной процедуры, что все, происходящее на судѣ, совершаемое будто для изслѣдованія судьбы обвиняемаго и рѣшенія его участи, не имѣетъ въ сущности никакой органической связи, ни съ прошлымъ обвиняемаго, приведшимъ его къ занимаемому имъ положенію, ни съ будущимъ въ видѣ постигающаго его приговора; процедура слѣдствія сама по себѣ, а выносимый обвиняемому приговоръ самъ по себѣ.

Въ уголовномъ процессѣ Толстого поражаетъ то, что и теперь стремятся къ тому же, къ чему инквизиціонный процессъ стремился путемъ пытокъ,—къ установленію лишь факта совершенія преступнаго дѣянія обвиняемымъ. Прежде считали, что это наидостовѣрнѣйше устанавливаетъ собственное признаніе обвиняемаго, отъ котораго надо его

поэтому получить, хотя бы путемъ вымучиванія. Теперь же считаютъ, что развитой разумъ судьи можетъ обнаружить это оцѣнкою слѣдовъ дѣянія и поведенія обвиняемаго, какіе имѣются объективно и во впечатлѣніи разныхъ свидѣтелей, и что онъ можетъ, поэтому, обойтись безъ собственнаго признанія обвиняемаго; но установить судебнымъ изслѣдованіемъ стремятся въ концѣ концовъ то же, что и прежде: что дѣяніе учинено обвиняемымъ. Разница въ пріемахъ процесса, а не въ существѣ его. Толстой же признаетъ существеннымъ вопросъ не о томъ, совершилъ или не совершилъ обвиняемый преступное дѣяніе, а о томъ, если онъ и совершилъ его, почему онъ оказался склоннымъ къ такого рода дѣянію, гдѣ истинная причина того общественнаго несчастья, носителемъ и выразителемъ котораго онъ является?

Настоящимъ вѣнцомъ безплоднаго строенія, называемаго уголовнымъ процессомъ, является для Толстого кассаціонная инстанція. Ибо на судѣ совсѣмъ не занимаются изслѣдованіемъ истинныхъ вопросовъ, вызываемыхъ участью потерпѣвшаго и судьбою обвиняемаго, а совершенно ни къ чему ненужною эквилибристикою ума и логики, и исходъ дѣла въ видѣ того или иного приговора совсѣмъ не вытекаетъ даже и изъ этихъ разслѣдованій, а является продуктомъ особыхъ соображеній и случайнаго настроенія судей. Поэтому, контроль надъ точнымъ соблюденіемъ правилъ и обрядовъ этого судопроизводства, возводимый въ самоцѣльное учрежденіе, въ его глазахъ, какая-то странная комедія, тѣмъ менѣе простительная, что отъ нея все же ставится въ зависимость судьба живыхъ людей. Конечно, если бы пути судебнаго слѣдствія были пріемами изслѣдованія, дѣйствительно ведущими къ рѣшенію задачи, задаваемой каждымъ уголовнымъ дѣломъ, тогда имѣло бы смыслъ контролировать правильное и неуклонное слѣдованіе имъ; это имѣло бы тотъ же смыслъ, какой имѣетъ требованіе, чтобы при рѣшеніи математической задачи точно соблюдали правила умноженія, размѣщенія частей многочлена, извлеченія корней и т. п., какъ то слѣдуетъ по ходу математическаго разсужденія. Но тутъ провѣрка пріемовъ слѣдствія, того, въ какой очереди призывались свидѣтели, какіе документы

признаны подлежащими оглашенію, а какіе нѣтъ, и проч., такъ, какъ будто отъ перестановки этого порядка что-нибудь зависитъ въ рѣшеніи задачи, тогда какъ рѣшеніе въ судѣ вовсе не есть отвѣтъ на вопросъ задачи и даже не выводъ изъ продѣлываемой въ видѣ слѣдствія процедуры,— ни къ чему не служитъ. Раблэ пишетъ,—цитируетъ Толстой,—что юристъ, къ которому пришли судиться, послѣ указанія на всевозможные законы, по прочтеніи двадцати страницъ юридической безсмысленной латыни, предложилъ судящимся кинуть кости: четъ или нечетъ. Если четъ, то правъ истецъ, если нечетъ, то правъ отвѣтчикъ. Такъ было и съ вердиктомъ Масловой. То, а не другое, рѣшеніе принято было не потому, что всѣ согласились, а, во-первыхъ, потому, что предсѣдательствующій, говорившій такъ долго свое резюме, въ этотъ разъ упустилъ сказать то, что онъ всегда говорилъ, а именно то, что, отвѣчая на вопросъ, присяжные могутъ сказать: да-виновна, но безъ намѣренія лишить жизни; во-вторыхъ, потому, что полковникъ (присяжный) очень длинно и скучно разсказывалъ исторію жены своего шурина; въ-третьихъ, потому, что Нехлюдовъ былъ такъ взволнованъ, что не замѣтилъ упущенія оговорки объ отсутствіи намѣренія лишить жизни и думалъ, что оговорка: безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія—уничтожаетъ обвиненіе; въ-четвертыхъ, потому, что Петръ Герасимовичъ (другой присяжный) не былъ въ комнатѣ,—онъ выходилъ въ то время, какъ старшина перечелъ вопросы и отвѣты; и, главное, потому что всѣ устали, и всѣмъ хотѣлось скорѣй освободиться и потому согласиться съ тѣмъ рѣшеніемъ, при которомъ все скорѣй кончается.

Рѣшеніе задачи, задаваемой Толстымъ уголовному суду, очевидно, не приблизится къ правильному отвѣту, въ какомъ бы порядкѣ ни производить обрядовъ слѣдствія, и не станетъ хуже, если ихъ смѣшать всѣ въ одну кучу. Метафизичность же работы судей кассаціонной инстанціи не можетъ на дѣлѣ не превратить ее въ нѣчто совершенно иное, чѣмъ она должна быть по своей, хотя бы и искусственной, идеѣ. Живые люди, по непоколебимому убѣжденію Толстого, не могутъ работать не по живому какому нибудь

побужденію. Вотъ, у сенаторовъ въ совѣщательной комнатѣ и возникаютъ въ душѣ разныя жизненныя побужденія, подъ вліяніемъ которыхъ они подаютъ свои голоса; побужденія эти только не имѣютъ ничего общаго, ни съ идеей кассаціонной ревизіи, ни еще менѣе съ живыми задачами суда надъ ближнимъ.

Силѣ щемящаго впечатлѣнія, испытываемаго Нехлюдовымъ въ сенатѣ, содѣйствуетъ контрастъ между пустотой и сухостью его работы по содержанію и великолѣпіемъ помѣщенія и торжественностью обстановки, въ которой это происходитъ; усиливаетъ еще это впечатлѣніе и видъ приставленныхъ къ нему въ огромномъ количествѣ чрезвычайно учтивыхъ и чистыхъ чиновниковъ.

Недоумѣніе Нехлюдова предъ значеніемъ этой судебной инстанціи въ смутномъ видѣ замѣчается уже въ сценѣ чтенія ему самодовольнымъ Фонаринымъ составленной для Масловой кассаціонной жалобы. Докладъ въ самомъ сенатѣ этого, какъ и ранѣе разбиравшагося дѣла о клеветѣ въ печати, не облегчилъ его недоумѣнія.

Нехлюдовъ сталъ слушать и старался понять значеніе того что происходило передъ нимъ, но такъ же, какъ и въ окружномъ судѣ, главное затрудненіе для пониманія состояло въ томъ, что рѣчь шла не о томъ, что естественно представлялось главнымъ, а о совершенно побочномъ.

Не могла содѣйствовать уразумѣнію происходившаго и разсѣянію ненатуральности всего передъ ними совершавшагося, выслушанная Нехлюдовымъ, рѣчь Фонарина.

Тонъ короткой, но сильной рѣчи Фонарина былъ такой, что онъ извиняется за то, что настаиваетъ на томъ (на своихъ 6-ти пунктахъ), что господа сенаторы своей проницательностью и юридической мудростью видятъ и понимаютъ лучше его, но что дѣлаетъ онъ это только потому, что этого требуетъ взятая имъ на себя обязанность. После рѣчи Фонарина, казалось не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что сенатъ долженъ отмѣнить рѣшеніе суда. Окончивъ свою рѣчь, Фонаринъ побѣдоносно улыбнулся. Глядя на своего адвоката и увидавъ эту улыбку, Нехлюдовъ былъ увѣренъ, что дѣло выиграно. Но, взглянувъ на сенаторовъ, онъ увидалъ, что Фонаринъ улыбнулся и торжествовалъ одинъ. Сенаторы и товарищъ оберъ-прокурора не улыбались и не торжествовали, а имѣли видъ людей, скучающихъ и говорившихъ: „слыхали мы много вашего брата, и все это ни къ чему".

Ничего успокоительнаго для совѣсти не обрѣлъ Нехлюдовъ и въ послѣдовавшемъ затѣмъ діалогѣ своемъ съ товарищемъ оберъ-прокурора Селенинымъ, бывшимъ университетскимъ сверстникомъ, который давалъ заключеніе по дѣлу Масловой и который думалъ урезонить его доводами объ, оставшемся, однако, для Нехлюдова непостижимомъ, различіи между существомъ дѣла и формами производства, при которыхъ правильность формъ беретъ верхъ надъ неправильностью самого рѣшенія.

— Дѣло не въ жалобѣ, а въ женщинѣ, которая не виновата и несетъ наказаніе,—сказалъ Нехлюдовъ.

Селенинъ вздохнулъ.

— Очень можетъ быть, но...

— Не можетъ быть, а навѣрно...

— Почему ты знаешь?

— А потому, что я былъ присяжнымъ. Я знаю, въ чемъ мы сдѣлали ошибку.

Селенинъ задумался.

— Надо было заявить тогда же,—сказалъ онъ.

— Я заявлялъ.

— Надо было записать въ протоколъ. Если бы это было при кассаціонной жалобѣ..

— Да, но вѣдь и теперь очевидно было, что рѣшеніе нелѣпо.

— Сенатъ не имѣетъ права сказать этого. Если бы сенатъ позволялъ себѣ кассировать рѣшенія судовъ на основаніи своего взгляда на справедливость самыхъ рѣшеній, не говоря уже о томъ, что сенатъ потерялъ бы всякую точку опоры и скорѣе рисковалъ бы нарушать справедливость, чѣмъ возстановлять ее,—не говоря объ этомъ, рѣшенія присяжныхъ потеряли бы всякое значеніе.

— Я только одно знаю, что женщина эта совершенно невинна и послѣдняя надежда спасти ее отъ незаслуженнаго наказанія потеряна. Высшее учрежденіе подтвердило совершенное беззаконіе.

Когда же Нехлюдовъ услышалъ снова ссылку на пресловутое существо дѣла отъ своего шурина Рагожинскаго, правовѣрнѣйшаго представителя магистратуры, его обуяло форменное раздраженіе. Увѣренный тонъ шурина и не могъ отразиться на Нехлюдовѣ, ищущемъ выхода изъ существующаго порядка, а не простого констатированія его, иначе.

— Сенатъ отказалъ.

— А отказалъ, то, стало-быть, не было основательныхъ поводовъ кассаціи,—сказалъ Игнатій Никифоровичъ, очевидно, совершенно раздѣляя извѣстное мнѣніе о томъ, что истина есть продуктъ

судоговоренія.—Сенатъ не можетъ входить въ разсмотрѣніе дѣла по существу.

Въ оно время процессы рѣшались путемъ поединка между тяжущимися или даже не между ними самими, а между нанятыми ими для этого драчунами, долженствовавшими лишь слѣдовать строго выработанному для такого единоборства церемоніалу. Толстому теперешнее разслѣдованіе съ его формами и обрядами, контролируемыми сенатомъ безотносительно къ исходу, напоминаетъ тотъ же поединокъ: перемѣнилось оружіе, но суть процесса въ его глазахъ та же. Развѣ исходъ дѣла и теперь не зависитъ отъ ловкости и искусства представителей той или другой стороны? У судей голова устроена не иначе, чѣмъ у другихъ. На нихъ по разнымъ ихъ субъективнымъ качествамъ можно одними и тѣми же данными дѣйствовать и такъ, и иначе. Исходъ дѣла зависитъ, такимъ образомъ, отъ случайности въ настроеніи или расположеніи духа судей и отъ ловкости, съ которою умѣютъ пользоваться ихъ умственными слабостями и предрасположеніями. Такъ, товарищъ прокурора

откладывалъ дѣло о скопцахъ за отсутствіемъ совсѣмъ не важнаго и не нужнаго для дѣла свидѣтеля только потому, что дѣло это, слушаясь въ судѣ, гдѣ составъ присяжныхъ былъ интеллигентный, могло кончиться оправданіемъ. По уговору же съ предсѣдателемъ, дѣло это должно было перенестись на сессію уѣзднаго города, гдѣ будутъ больше крестьяне и потому больше шансовъ для обвиненія.

Въ тотъ же день въ гражданскомъ отдѣленіи разсматривалось съ участіемъ знаменитаго адвоката выдающееся дѣло, которому онъ съумѣлъ дать такой оборотъ, что одна изъ сторонъ, старая барыня, несмотря на то, что она была совершенно права, должна заплатить ни за что большія деньги противной сторонѣ. „Это знали и судьи, а тѣмъ болѣе истецъ и его адвокатъ; но придуманный ходъ былъ такой, что нельзя было не отнять имущества у старушки и не отдать его дѣльцу". Съ неподдѣльнымъ увлеченіемъ разсказываетъ о геніальности этого адвоката одинъ изъ присяжныхъ—представительный господинъ—въ совѣщательной комнатѣ. Съ этимъ знаменитымъ адвокатомъ знакомится съ чувствомъ особаго уваженія самъ судейскій батюшка.—Что

же все это имѣетъ общаго съ исканіемъ правды, которой жаждетъ душа Нехлюдова?

Со стороны критиковъ Толстого изъ среды магистратуры была высказываема претензія, зачѣмъ, если и бываютъ у насъ такіе судьи, какихъ онъ изобразилъ, онъ вывелъ въ романѣ въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ столь заурядныя фигуры, а не взялъ болѣе выдающихся личностей. Съ точки зрѣнія Толстого, отъ этого, конечно, ничего не должно было бы перемѣниться, такъ какъ и выдающіеся люди на судейскомъ креслѣ также занимаются собою, своими интересами и ничѣмъ инымъ, творя превосходящее силы человѣка жестокое дѣло уголовнаго суда. Но, спрашивается, судебное дѣло повсемѣстное и повседневное, то судебное дѣло, которое, главнымъ образомъ, отражается на участи народа, кѣмъ же творится: выдающимися или заурядными судьями? Надо только одинъ разъ побывать въ какомъ нибудь уѣздномъ съѣздѣ мировыхъ судей, чтобы и самому ярому скептику на всю жизнь убѣдиться, какъ много живой правды въ аттестаціи, которую даетъ Толстой уголовнымъ судьямъ, находящимся при исполненіи своихъ повседневныхъ обязанностей. Вѣдь Толстой взялъ судей и процессъ въ будничной обстановкѣ. Онъ не хотѣлъ изъ дѣла Масловой сдѣлать cause célèbre. Иначе у него, какъ это сдѣлалъ Достоевскій, залъ былъ бы переполненъ избранной публикой, фигурировалъ бы какой-нибудь знаменитый защитникъ. Онъ же, какъ человѣкъ реальной жизни, взялъ судъ въ томъ его впечатлѣніи, которое имъ производится въ повседневномъ своемъ видѣ, въ томъ видѣ, въ которомъ судъ только и знакомъ массамъ, народу, и въ которомъ— нельзя этого не признать—сущность уголовнаго правосудія выступаетъ болѣе прямо, непосредственно и наглядно, безъ прикрасъ и постороннихъ примѣсей, составляющихъ преобладающія черты каждаго изъ causes célèbres.

Реальность наблюденій Толстого критика того же лагеря пробовала опровергнуть тѣмъ, что важной для эффекта сцены романа, когда Маслова, безучастно глядя на собраніе

4

присяжныхъ, скользитъ взоромъ по Нехлюдову, какъ и по остальнымъ, не узнавая его,—вовсе не явилось бы на свѣтъ, если бы Толстой зналъ уставъ уголовнаго судопроизводства и зналъ, поэтому, что списокъ присяжныхъ заранѣе вручается обвиняемымъ, а, слѣдовательно, долженъ былъ быть врученъ и Масловой; она же, какъ грамотная, должна была тамъ узнать по имени, отчеству и фамиліи своего соблазнителя и потомъ, конечно, искать его среди судей. Дѣлать такого рода упрекъ Толстому можетъ лишь критикъ—судья, который не только знаетъ уставъ уголовнаго судопроизводства, но весь проникнутъ въ своемъ міровоззрѣніи этимъ уставомъ. Разъ уставъ говоритъ, что списокъ вручается обвиняемому, то для этого судьи, ясно сознающаго, для чего этотъ обрядъ существуетъ и какими дурными последствіями для обвиняемаго можетъ отразиться, если не воспользоваться этимъ какъ слѣдуетъ, представляется немыслимымъ, чтобы тотчасъ по полученіи этого списка обвиняемый не набросился на него съ жадностью и не сталъ изслѣдовать одно за другимъ значащіеся въ немъ имена. Такой судья вовсе не можетъ себѣ представить того отношенія ко всякой получаемой бумагѣ, хотя бы и изъ суда, которое выражается въ одномъ стремленіи скорѣе скрутить изъ нея цигарку. А въ дѣйствительности сплошь и рядомъ обвиняемые, не только неграмотные, а и отлично умѣющіе читать, свой обвинительный актъ раскуриваютъ компаніею въ папиросахъ, дѣтски неразумно упустивъ заглянуть въ его содержаніе. Такой судья, если и знаетъ объ этомъ, думаетъ: „Ну, что-жъ, тѣмъ хуже для нихъ; сами же они виноваты, что не хотятъ пользоваться гарантіями правильнаго суда, которыя имъ даетъ нашъ гуманный уставъ“, и на этомъ успокаивается. Но не такъ отражается дѣйствительность въ головѣ художника, въ особенности же въ головѣ геніальнаго художника. Онъ ее чуетъ и понимаетъ такою, какая она есть, и для него никакія статьи устава и никакіе обряды производства не могутъ закрыть ея настоящаго вида. Онъ знаетъ всякую дѣйствительность, и ту въ томъ числѣ, въ которой судьи по обязанностямъ службы вращаются съ утра до вечера, лучше ихъ самихъ. Одинъ изъ

главныхъ мотивовъ „Воскресенія“ въ томъ и состоитъ, что судьи, какъ и другіе должностные чины, смотрятъ на все сквозь свои профессіональныя очки и отъ того утратили способность понимать вещи въ ихъ настоящемъ видѣ; уголовный судъ оттого и ужасенъ, что онъ исполняетъ обряды и статьи, не видя за этимъ живого человѣка. И, конечно, ужъ менѣе всего можетъ быть удачна критика произведенія Толстого, основываемая на примѣриваніи къ нему тѣхъ же шаблоновъ.

„Дѣтское неразуміе! дѣтское неразуміе!“—возражаютъ такіе судьи обыкновенно съ укоризною. „Отчего же, г.г. арестанты, проявляютъ его только противъ другихъ, а не по отношенію къ себѣ самимъ?“

8-го марта 1900 г. слушалось въ Кіевскомъ судѣ дѣло объ отравленіи партіи арестантовъ, изъ которыхъ шесть умерли. Отравленіе произошло отъ того, что они при переноскѣ мебели изъ ресторана „Эрмитажъ“ приняли хранившійся въ банкѣ ядовитый составъ отъ мышей за голландскій сыръ и имъ объѣлись. Содержатель ресторана судился за неосторожное храненіе ядовитаго вещества и былъ, конечно, оправданъ. Но отдавали ли себѣ отчетъ судьи въ томъ, что за дѣтское неразуміе обнаружили эти взрослые люди при видѣ лакомства и сколь въ свое время несправедливо было сурово судить ихъ за ихъ прегрѣшенія и подвергать заключенію въ арестантскую тюрьму? И можетъ ли быть сомнѣніе въ томъ, что эти субъекты, когда имъ былъ вручаемъ по ихъ дѣламъ списокъ судей и присяжныхъ, и не подумали даже объ ознакомленіи съ его содержаніемъ, а поспѣшили употребить его на цигарки?

Психологически причина, почему Маслова не узнала Нехлюдова въ лицо, встрѣтя его въ числѣ другихъ на судѣ, объяснена въ романѣ вполнѣ вразумительно.

О своемъ дѣтствѣ и молодости, а въ особенности о любви къ Нехлюдову она никогда не вспоминала. Это было слишкомъ больно. Эти воспоминанія гдѣ-то далеко, нетронутыми лежали въ ея душѣ Даже во снѣ никогда не видѣла Нехлюдова. Нынче на судѣ она не узнала его не только потому, что, когда она видѣла его въ послѣдній разъ, онъ былъ военный, безъ бороды, съ маленькими усиками и, хотя и короткими, но густыми вьющимися волосами, а теперь

былъ старообразный человѣкъ, съ бородою, сколько потому, что она никогда не думала о немъ. Похоронила она всѣ воспоминанія о своемъ прошедшемъ съ нимъ въ ту ужасную темную ночь, когда онъ пріѣзжалъ изъ арміи и не заѣхалъ къ тетушкамъ.

Въ томъ, что Маслова могла не разслышать фамиліи Нехлюдова, когда ее долженъ былъ превозгласить при вынутіи билетиковъ изъ урны предсѣдатель, также мало удивительнаго, если принять во вниманіе то безучастіе, которое подсудимые простого класса обычно проявляютъ ко всему тому на судѣ, что производится не непосредственно по ихъ адресу. Точно также легко проходитъ мимо ихъ вниманія чтеніе списка присяжныхъ послѣ жребія, производимое скороговоркою и какъ бы про себя секретаремъ.[1])

Чтобы понять идеи Толстого, надо уйти отъ обыденнаго міровоззрѣнія много впередъ или даже назадъ, на цѣлыхъ тысячу девятьсотъ лѣтъ назадъ; но только не оставаться въ умственномъ состояніи филистера, недопускающаго сомнѣнія, что основы его современныхъ воззрѣній на вещи соотвѣтствуютъ дѣйствительности и непоколебимы, и что споръ и разногласіе могутъ происходить только относительно второстепенныхъ частностей. Сколько бы подобные критики подъ именемъ старыхъ и разныхъ иныхъ судей ни трудились кассировать приговоръ суда по дѣлу Масловой за нарушеніемъ обрядовъ и формъ судопроизводства, они не опровергнутъ ни единой мелочи изъ той правдивой и потрясающей картины, какой является осужденіе Масловой не какъ результатъ правильной или неправильной судебной процедуры, а какъ плодъ того безучастія и своекорыстія въ отношеніяхъ людей къ своему несчастному ближнему, типичнымъ выразителемъ коихъ является для Толстого въ существующемъ строѣ уголовный судъ вообще.

[1]) Въ томъ, что такой случай могъ произойти въ дѣйствительности, не можетъ уже болѣе быть теперь сомнѣнія послѣ того, какъ А. Ф. Кони въ своихъ воспоминаніяхъ о Толстомъ разсказываетъ о случаѣ изъ своей служебной, какъ прокурора, дѣятельности, когда къ нему явился одинъ изъ присяжныхъ съ выраженіемъ своего желанія во что бы то ни стало жениться на осужденной при его участіи проституткѣ, въ которой онъ узналъ жертву своей похоти,—случай, сообщенный имъ Толстому и, очевидно, легшій въ основаніе фабулы „Воскресенія".

Не болѣе того способны правильно тутъ понять Толстого критики—эпикурейцы. Это любители литературы, которые понимаютъ и воспринимаютъ въ ней только то, о чемъ можно ахать и чѣмъ можно восторгаться. Толстой же въ „Воскресеніи", какъ и вообще теперь своими изображеніями, при всей ихъ живости и реальности, не даетъ ими восторгаться. Онъ, напротивъ, всѣми своими образами отравляетъ эпикурейцамъ существованіе. Наслаждаться его описаніями не приходится. Они изображаетъ ту правду жизни, которая должна лишить покоя всякаго, кто хочетъ только радоваться существованію и думаетъ, что происходящему кругомъ злу онъ непричастенъ. Всѣ этому злу причастны, по Толстому; всѣ въ немъ виноваты. Вотъ этого-то г.г. эпикурейцы не могутъ теперь у него переносить. Имъ можно, въ крайнемъ случаѣ, подавать такія произведенія, какъ „Живыя мощи" Тургенева, которыя читая, можно испытывать восторгъ отъ того, какъ описаны авторомъ страданія несчастной женщины и смиренное ея отношеніе къ своей печальной участи. Главное же, что, прочитавъ такое произведеніе, можно захлопнуть книгу и баста. Чтеніе такой вещи ни къ чему не обязываетъ. Толстой же теперь все, что пишетъ, изображаетъ такъ, что, прочитавъ его, чувствуешь себя обязаннымъ перемѣнить что-то въ окружающемъ въ себѣ самомъ; въ особенности въ себѣ самомъ. Эпикурейцы терпѣть не могутъ, если книга даетъ имъ не только восторги описаній, а еще налагаетъ бремя на совѣсть и заставляетъ не только смаковать и размышлять, а еще и дѣлать, предпринимать что нибудь. Уголовная же расправа въ изображеніяхъ Толстого кладетъ грузный камень на совѣсть каждаго, причастнаго современному общественному строю вообще, независимо отъ того, прилагаетъ ли онъ непосредственно руку къ существующему судебному и карательному режиму или нѣтъ.

Вѣдь, вотъ, въ Англіи до Джона Говарда почиталось неумѣстнымъ входить въ оцѣнку и разборъ причинъ, по которымъ обычно свирѣпствовали смертельныя эпидеміи въ тюрьмахъ и другихъ мѣстахъ заключенія. Почиталось это неумѣстнымъ потому, что эпидеміи эти приписывались особой

карѣ Господней, подѣломъ насылавшейся на этихъ грѣшниковъ. Какъ далека уже отъ этой точки зрѣнія наша современность, изыскивающая разныя усовершенствованія для вентиляціи тюремъ и соблюденія въ нихъ всякихъ иныхъ требованій гигіены, дабы предупредить печальныя послѣдствія принудительнаго режима. Толстой же въ оцѣнкѣ этихъ послѣдствій идетъ, конечно, гораздо дальше. Для Нехлюдова случаи солнечнаго удара, получаемаго арестантами при препровожденіи въ ссылку вслѣдствіе того, что ихъ выводятъ подъ палящіе лучи солнца послѣ того, какъ они всю зиму содержались взаперти, равносильны умышленному убійству.

„Отчего убили? кто убилъ?—спрашиваетъ его изумленно сестра Наталія Ивановна, услышавъ его слова: „ахъ, что я видѣлъ нынче. Два арестанта убиты".

— Убили тѣ, кто насильно вели ихъ,—гласитъ его отвѣтъ.

Причину этого убійства, по основному своему убѣжденію, онъ видитъ не въ лицахъ, а въ системѣ.

Что ужаснѣе всего, это то, что убили и никто не знаетъ, кто его убилъ. А убили. Повели его, какъ и всѣхъ арестантовъ, по распоряженію Масленникова. Масленниковъ, вѣроятно, сдѣлалъ свое обычное распоряженіе, подписалъ своимъ дурацкимъ росчеркомъ бумагу съ печатнымъ заголовкомъ и, конечно, ужъ никакъ не сочтетъ себя виноватымъ. Еще меньше можетъ счесть себя виноватымъ острожный докторъ, свидѣтельствовавшій арестантовъ. Онъ аккуратно исполнилъ свою обязанность, отдѣлилъ слабыхъ и никакъ не могъ предвидѣть, ни этой страшной жары, ни того, что ихъ поведутъ такъ поздно и такой кучей. Смотритель?.. Но смотритель только исполнилъ предписаніе о томъ, чтобы въ такой-то день отправить столько-то каторжныхъ, ссыльныхъ, мужчинъ, женщинъ. Тоже не можетъ быть виноватъ и конвойный, котораго обязанность состояла въ томъ, чтобы счетомъ принятъ тамъ-то столько-то и тамъ-то сдать столько-же. Велъ онъ партію, какъ обыкновенно и полагается, и никакъ не могъ предвидѣть, что такіе сильные люди, какъ тѣ два (которыхъ видѣлъ Нехлюдовъ), не выдержатъ и умрутъ. Никто не виноватъ,—а люди убиты и убиты всетаки этими самыми невиноватыми въ этихъ смертяхъ людьми.

Таково и отношеніе тѣхъ же людей къ факту смерти арестантовъ. Глядя въ участкѣ на спокойное и строгое и доброе выраженіе лица второго изъ умершихъ арестантовъ, человѣка, бывшаго въ полномъ разцвѣтѣ силъ, необыкновенно красиваго и лицомъ и всѣмъ тѣломъ, Нехлюдовъ размышлялъ:

не говоря уже о томъ, что по лицу этому видно, какія возможности духовной жизни были погублены въ этомъ человѣкѣ, по тонкимъ костямъ рукъ и скованныхъ ногъ и по сильнымъ мышцамъ всѣхъ пропорціональныхъ членовъ видно, какое это было прекрасное, сильное, ловкое человѣческое животное, какъ животное въ своемъ родѣ гораздо болѣе совершенное, чѣмъ тотъ буланный жеребецъ, за порчу котораго такъ сердился брандъ-маіоръ. А между тѣмъ его заморили и не только никто не жалѣлъ его, какъ человѣка, никто не жалѣлъ его, какъ напрасно погубленное рабочее животное. Единственное чувство, вызываемое во всѣхъ людяхъ его смертью, было чувство досады за хлопоты, которые доставляла необходимость устранить это угрожающее разложеніемъ тѣло.

Многіе изъ приверженцевъ существующаго порядка вещей такіе инциденты въ этапѣ арестантовъ сочтутъ за неизбѣжное зло, съ которымъ должно во имя цѣли карательной системы мириться. „Что въ самомъ дѣлѣ за важность смерть одного или двухъ каторжниковъ? Что дѣлать!"—подумаютъ они. А для Толстого эти инциденты составляютъ доказательства, что и теперь на дѣлѣ происходитъ первобытная расправа съ преступниками. Онъ утверждаетъ, что хотя подраздѣливъ на нѣсколько отдѣльныхъ фазисовъ эту расправу и передавъ каждый изъ фазисовъ особымъ исполнителямъ, и думають, что будто измѣнили по существу обращеніе съ преступниками, находящееся теперь въ вѣдѣніи властей, противъ того, какъ расправлялись съ ними прежде сами потерпѣвшіе, этимъ въ дѣйствительности лишь растянули во времени и разбросали въ пространствѣ то же мучительство. Собравъ во-едино всѣ разсѣянные теперь для обыкновеннаго глаза лучи освѣщенія надъ уголовной расправой, Толстой представилъ эту расправу въ концентрированномъ его субъективнымъ моральнымъ чувствомъ видѣ и получается картина того же первобытнаго мучительства.

Теперь не пытаютъ клещами и другими орудіями при допросѣ на слѣдствіи, но подвергаютъ мученію лишеніемъ свободы, принудительнымъ режимомъ въ тюрьмѣ и въ другихъ мѣстахъ при отбываніи наказанія, и въ этомъ видятъ сущность наказанія—въ непріятныхъ ощущеніяхъ, этимъ

причиняемыхъ. Каждый, пожалуй, при этомъ готовъ сказать, что, если бы можно было найти средство, чтобы наказаніе доставляло преступнику не огорченіе, а удовольствіе, конечно, существующую систему наказанія тотчасъ бы перевели на такую противоположную основу; но что этого найти совершенно немыслимо, какъ противорѣчащаго природѣ вещей, что самые поиски такого утопическаго средства нужно бы признать плодомъ такой же умственной аберраціи, какъ, напримѣръ, усилія механиковъ-самоучекъ найти perpetuum mobile и т. д. Но для Толстого, возвысившагося надъ нашими горизонтами, это не возраженіе, такъ какъ онъ мыслитъ себѣ совершенно иной порядокъ вещей съ такой же наглядностью, съ какой мы видимъ настоящій. И что касается данной области, то глазъ, смотрящій на существующее какъ бы назадъ съ позицій будущаго, можетъ для своего отрицательнаго отношенія найти очень подходящіе примѣры въ нашемъ прошломъ, когда казались совершенно немыслимыми тѣ капитальные измѣненія и перевороты, которые потомъ, однако, преблагополучно человѣчествомъ пережиты. Если взять трактатъ саксонскаго королевскаго судьи Іеронима-Кристофа Мекбаха, напечатанный въ Іенѣ въ 1756 г., въ которомъ содержится научное и практическое объясненіе и наставленіе къ системѣ пытокъ, которымъ должно подвергать обвиняемаго, то мы въ параграфѣ 5-мъ у него найдемъ текстъ, съ непоколебимою вѣрою гласящій, что, хотя жалко и больно подвергать человѣка мученіямъ (детально въ этомъ параграфѣ описываемымъ), и что дѣйствительно можно бы выдать большую премію тому, кто изобрѣлъ бы пытку, которая, не причиняя мученій, приводила бы обвиняемаго къ признаніямъ на допросѣ, но что это утопія и мечта, равная мысли объ открытіи perpetuum mobile, и потому судьѣ должно держаться практикуемой системы, т. е., наблюдать за постепеннымъ возрастаніемъ мучительныхъ терзаній при безуспѣшности болѣе слабыхъ [1]).

---

[1]) Richard Wrede. Die Körperstrafen bei allen Völkern von den ältesten Zeiten bis auf die Gegenwart, s. 351, 363.

Въ произведеніи Толстого усматривали чуть не пасквиль именно на русскій судъ. Тогда какъ проводимые имъ взгляды на современное уголовное правосудіе ничуть не были бы иными, если бы онъ съ своей точки зрѣнія сталъ изображать англійскаго или какого-нибудь иного судью или же самую усовершенствованную тюрьму, хотя бы американскую съ электрическимъ освѣщеніемъ, автоматическими вѣерами, собственною газетою и другими принадлежностями комфорта.—Готовы были также видѣть у него какое то особое недоброжелательство именно по отношенію къ сословію судей. Въ дѣйствительности, онъ прежде всего очень далекъ отъ недоброжелательства къ кому либо. Всякая мельчайшая черта его колоссальной умственной и нравственной фигуры противорѣчитъ возможности подобнаго въ немъ чувства по отношенію къ кому бы или къ чему бы то ни было изъ изображаемаго имъ міра. Во вторыхъ, вѣдь и весь чиновный міръ ни въ чемъ въ его глазахъ не уступаетъ судебному персоналу. Чиновники въ силу долга службы дѣлаются непроницаемы для чувства человѣколюбія, „какъ эта мощенная земля для дождя“, думалъ Нехлюдовъ. Всѣ эти служаки въ романѣ имѣютъ дѣйствительно *какія то мощенныя души*. Они, какъ земля, обитая камнемъ, теряетъ свои натуральныя свойства, переставъ ихъ проявлять даже и тогда, когда они нужны и ихъ ищутъ. „Вѣдь всѣ эти люди—и Масленниковъ, и смотритель, и конвойный,—думалъ Нехлюдовъ,—всѣ они, если бы не были губернаторами, смотрителями, офицерами, двадцать разъ подумали бы о томъ, можно ли отправлять людей въ такую жару и такой кучей, двадцать разъ дорогой остановились бы и, увидавъ, что человѣкъ слабѣетъ, задыхается, вывели бы его изъ толпы, свели бы его въ тѣнь, дали бы воды; дали бы отдохнуть и, когда случилось несчастье, высказали бы сострадание. Они не сдѣлали этого, даже мѣшали дѣлать это другимъ только потому, что они видѣли передъ собою не людей и свои обязанности передъ ними, а службу и ея требованія, которыя они ставили выше требованій человѣческихъ отношеній“.—Впечатлѣніе проницательно вымощенныхъ долгомъ службы душъ производятъ товарищъ

оберъ-прокурора Селенинъ, Рагожинскій, мужъ сестры Нехлюдова Наташи; постепенная формація въ этомъ отношеніи души Селенина—этой особенно „чистой души“, какъ его величаютъ въ великосвѣтскихъ кругахъ,—происходящая подъ вліяніемъ маскированнаго разными благовидными побужденіями эгоизма въ весьма типическихъ чертахъ подробно разсказана авторомъ.—Что касается многочисленныхъ представителей чиновнаго міра, фигурирующихъ въ романѣ, то оказывается, что у лицъ, занимающихъ разныя ступени въ служебной іерархіи, неодинаково мощены души. У высшихъ чиновниковъ центральнаго управленія, въ разныхъ петербургскихъ канцеляріяхъ, души мощены какъ бы торцомъ и асфальтомъ—гладко и мягко, но сплошной массой, непроницаемо, безъ малѣйшей щелки, черезъ которую допускалось бы пробиться наружу живому побѣгу. Голосъ всѣхъ ихъ слышенъ въ словахъ, которыми генералъ-губернаторъ отклонилъ просьбу Нехлюдова объ оставленіи съ умирающимъ Крыльцовымъ Марьи Павловны, которая для этого даже соглашалась обвѣнчаться съ нимъ. Въ разговорѣ объ этомъ генералъ-губернаторъ получилъ признаніе отъ Нехлюдова, что его за деньги пускали къ политическимъ:

„—Я понимаю,—сказалъ онъ тогда,—что вы такъ должны поступить. Вы хотите видѣть политическаго. И вамъ жалко его. А смотритель или конвойный возьметъ, потому что у него два двугривенныхъ жалованья и семья, и ему нельзя не взять. И на его и на вашемъ мѣстѣ я поступилъ бы такъ же, какъ и вы и онъ. Но на своемъ мѣстѣ я не позволю себѣ отступить отъ самой строгой буквы закона именно потому, что я чаловѣкъ *и могу увлечься жалостью.* А я исполнителенъ, мнѣ довѣрили подъ извѣстныя условія и я долженъ оправдать это довѣріе“.

Такъ и хочется при этомъ спросить непреклоннаго служаку, что подумалъ бы онъ о долгѣ службы, если бы отъ него потребовали отказа отъ жалости, напримѣръ, къ его внучкѣ и внуку—этой великолѣпной парѣ ребятъ, которыхъ спящими показывала съ гордостью Нехлюдову молодая мать ихъ? Или какъ онъ находитъ: противорѣчитъ ли долгу службы жалость, напримѣръ, къ мальчику, который, за отсутствіемъ другого мѣста въ переполненной этапной избѣ, со своимъ невиннымъ лицомъ спалъ въ передней на

жижѣ, вытекавшей изъ парахи, положивъ голову на ногу арестанта, одно воспоминаніе о каковой картинѣ не давало уснуть Нехлюдову?

У низшихъ органовъ службы души мощены болѣе грубо, какъ бы булыжникомъ, который не такъ ровно приложенъ кусокъ къ куску и потому сквозь остающіяся щели скорѣе пробивается живая струя. По этому поводу приходится вспомнить то, что сказано въ первыхъ словахъ романа:

Какъ ни старались люди, собравшись въ одно небольшое мѣсто нѣсколько сотъ тысячъ, изуродовать ту землю, на которой они жались; какъ ни забивали камнями землю, чтобы ничего не росло на ней; какъ ни счищали всякую пробивающуюся травку; какъ ни дымили каменнымъ углемъ и нефтью; какъ ни обрѣзывали деревья и ни выгоняли всѣхъ животныхъ и птицъ,—весна была весной *даже* и въ городѣ.

Примѣромъ меньшей сдержанности, но большей податливости низшихъ органовъ власти можетъ быть памятный эпизодъ конвойнаго офицера съ арестантомъ, несшимъ на рукахъ дѣвочку, оставленную ему умершей въ Томскѣ отъ тифа женою. Необузданныя проявленія начальническаго гнѣва тутъ довольно легко уступаютъ требованіямъ простого человѣколюбія.

Отговорка арестанта, что ему нельзя въ наручняхъ нести ребенка, раздрожала бывшаго не въ духѣ офицера и онъ избилъ непокорившагося сразу арестанта.

Противъ избитаго стояли конвойный солдатъ и коренастый, чернобородый арестантъ съ одѣтой на одну руку наручней и мрачно смотрѣвшій исподлобья то на офицера, то на избитаго арестанта съ дѣвочкой. Офицеръ повторилъ конвойному приказаніе взять дѣвочку. Среди арестантовъ все слышнѣе и слышнѣе становилось гоготаніе.

— Отъ Томска шли, не надѣвали,—послышался хриплый голосъ изъ заднихъ рядовъ.—Не щенокъ, а ребенокъ.

— Куда-же ему дѣвочку дѣть? Не законъ это,—сказалъ еще кто-то.

— Это кто?—какъ ужаленный закричалъ офицеръ, бросаясь въ толпу.—Я тебѣ покажу законъ. Кто сказалъ? Ты? Ты?

— Всѣ говорятъ, потому...—сказалъ широкоплечій приземистый арестантъ.

Онъ не успѣлъ договорить. Офицеръ обѣими руками сталъ бить его по лицу.

— Вы бунтовать? Я вамъ покажу, какъ бунтовать. Перестрѣляю, какъ собакъ. Начальство только спасибо скажетъ. Бери дѣвчонку.

Толпа затихла. Отчаянно кричавшую дѣвчонку вырвалъ одинъ конвойный, другой сталъ надѣвать наручни покорно подставившему свои руки арестанту.

— Снеси бабамъ, - крикнулъ офицеръ, конвойному, оправляя на себѣ портупею шашки.

Дѣвчонка, стараясь выпростать ручонки изъ платка, съ налитымъ кровью лицомъ, не переставая, визжала. Изъ толпы выступила Марья Павловна и подошла къ конвойному.

— Господинъ офицеръ, позвольте, я понесу дѣвочку.

— Ты кто? спросилъ офицеръ.

— Я политическая.

Очевидно, красивое лицо Марьи Павловны, съ ея прекрасными выпуклыми глазами (онъ уже видѣлъ ее при пріемѣ), подѣйствовало на офицера. Онъ молча посмотрѣлъ на нее, какъ будто что-то взвѣшивая.

— Мнѣ все равно, несите, коли хотите. Вамъ хорошо жалѣть ихъ, а убѣжитъ, кто отвѣчать будетъ?

— Какъ же онъ съ дѣвочкой убѣжитъ?—сказала Марья Павловна.

— Мнѣ некогда съ вами разговаривать. Берите, коли хотите.

Офицеръ этотъ сталъ потомъ, со слѣдующаго этапа, еще податливѣе.

— Видно, устыдился офицеръ,—прокричала Марья Павловна съ облучка телѣги, гдѣ она пристроилась подлѣ больного Крыльцова, обгонявшему ихъ на тройкѣ, Нехлюдову.—Съ Бузовкина сняли наручники; онъ самъ несетъ дѣвочку.

Эпизодъ этотъ служитъ въ глазахъ Толстого еще и новымъ подтвержденіемъ бездушія въ системѣ наказаній, творящей слѣпо свое дѣло, не замѣчая, на какія противорѣчащіе натуральнымъ чувствамъ и привязанностямъ поступки она наводитъ людей. Разлука родителей съ дѣтьми, разлученіе мужа и жены—это такія неизбѣжныя послѣдствія принудительнаго режима и такія повседневныя для насъ явленія, что мы совершенно утратили сознаніе содержащей-

ся въ этомъ жестокости. Толстой же воспринимаетъ это со свѣжестью человѣка, точно только что пришедшаго къ намъ съ другой планеты. И нельзя сказать, что такая разлука членовъ семьи есть случайный казусъ, стоящій отдѣльно отъ установленной закономъ лѣстницы наказаній.—Вотъ какой случай можетъ по этому поводу указать наша судебная практика: 15-го ноября 1896 г. кіевскій окружной судъ постановилъ приговоръ, согласно обвинительному вердикту присяжныхъ, о нѣкіихъ супругахъ Данилевскихъ. Мужъ приговоренъ за злоупотребленіе капиталами, ввѣренными его конторѣ, къ ссылкѣ въ Томскую губ. Жена признана его пособницею и потому по закону судъ понизилъ ей наказаніе противъ мужа на двѣ степени; въ результатѣ получилась для нея ссылка въ Олонецкую губ. Приговори ее судъ къ одинаково строгому наказанію, какъ и мужа, она была бы съ нимъ вмѣстѣ въ ссылкѣ; снисхожденіе же къ ней, оказанное судомъ по требованію закона, привело къ постановкѣ приговора, по которому она съ мужемъ разлучена. Въ ссылкѣ—то они будутъ оба, но на разстояніи нѣсколькихъ тысячъ верстъ другъ отъ друга. И это является послѣдствіемъ оказаннаго судомъ снисхожденія. Такой случай можетъ хоть кого заставить призадуматься надъ самыми основами системы, могущей въ своихъ консеквенціяхъ приводить къ подобнымъ результатамъ. Вѣдь когда при рѣшеніи школьной задачи получаются въ отвѣтѣ противорѣчія съ природою вещей, напримѣръ, цифры лошадей или рабочихъ съ дробями, то не колеблясь же признаютъ, что невѣрны самыя заданія задачи.

Для Толстого приведенный выше эпизодъ, какъ и всѣ прочіе ужасы заключенія и ссылки, результатъ самаго существованія уголовныхъ каръ. *Наказаніе есть въ его глазахъ самое вопіющее изъ преступленій.* Преступленіе это, однако, не такое, какъ тѣ, за которыя судятъ преступниковъ, а преступленіе всего человѣческаго общества. Прійдя къ такому выводу, Толстой вмѣстѣ съ тѣмъ, по неизмѣннымъ свойствамъ всепрощающей души своей, причину и этого преступленія усматриваетъ въ людскомъ ослѣпленіи: установленъ институтъ, который совершаетъ вопіющія жесто-

кости надъ ближними, а непосредственно въ томъ виноватыхъ не оказывается [1]).

Романисты и драматурги умѣли намъ изобразить индивидуальную душу преступниковъ такою, что ихъ порочность и жестокость становятся въ нашихъ глазахъ роковыми, такъ что объ отвѣтственности въ смыслѣ примѣненія къ нимъ уголовныхъ каръ не можетъ идти рѣчи: таковы, напримѣръ, хотя и разныхъ типовъ, но въ этомъ отношеніи одинаково безотвѣтственные: Макбетъ, Ричардъ III, Францъ Мооръ, Раскольниковъ. Толстой сумѣлъ сдѣлать то же самое въ живыхъ образахъ по отношенію ко всей системѣ уголовныхъ взысканій, но съ тѣмъ отличіемъ, что тутъ фигурируетъ ослѣпленіе не индивидуальной, а *коллективной души* цѣлаго общества.—Точно такъ, какъ романисты и драматурги до сихъ поръ изображали намъ своихъ преступныхъ героевъ жертвою эгоистическихъ наклонностей и интересовъ, довлѣющихъ единственно къ своей персонѣ, Толстой изображаетъ уголовную юстицію въ ея внутренней сущности печальнымъ и бездушнымъ огражденіемъ со стороны общества, какъ единаго цѣлаго, эгоистическихъ стремленій и чувствъ гражданина. Это общественное учрежденіе, предназначенное якобы для общественнаго блага и огражденія безопасности въ общежитіи, на дѣлѣ является апофеозомъ эгоизма и душевной черствости. Это учрежденіе не только порожденіе эгоистическихъ наклонностей, но и ихъ питомникъ; оно возводитъ въ организованный институтъ то сочувствіе къ ближнему, которое состоитъ въ стремленіи отомстить за себя обидчику,—сочувствіе, происходящее насчетъ сочувствія другому ближнему, въ бѣдствіяхъ, страданіяхъ и невѣжествѣ коего гнѣздится причина его преступности,—

[1]) Съ этимъ выводомъ огорченнаго нравственнаго чувства нельзя рядомъ не поставить слѣдующій выводъ изъ наблюденій и строго научнаго свойства. Наибольшій изъ современныхъ авторитетовъ уголовнаго права проф. фонъ-Листъ на основаніи данныхъ германской статистики положительно утверждаетъ, что „наши наказанія, не исправляютъ, не устрашаютъ и не оказываютъ предупредительнаго воздѣйствія, т. е. не воздерживаютъ отъ преступнаго посягательства; они, напротивъ, по большей части лишь укрѣпляютъ побужденіе къ преступной дѣятельности“. (Жур. Мин. Юстиц. 1900 г., іюнь, стр. 287).

то сочувствіе, наконецъ, которое питаемо исключительно эгоистическими побужденіями оградить во что бы то ни стало свою личную безопасность.

Толстой всю силу своего ума и любвеобильнаго сердца въ поискахъ за перерожденіемъ и спасеніемъ человѣчества усиленно сосредоточилъ на этомъ учрежденіи, одно существованіе котораго для него исключаетъ правильное отношеніе людей другъ къ другу. Вѣдь, уголовный судъ есть единственное въ своемъ родѣ общественное учрежденіе, а именно въ томъ отношеніи, что среди всѣхъ иныхъ законодательныхъ и административныхъ учрежденій только уголовный судъ направленъ непосредственно фактическимъ воздѣйствіемъ на воспитаніе общественныхъ чувствъ гражданина, т. е. на обузданіе самихъ побужденій личнаго свойства въ гражданахъ: чтобы не убивали, не чинили насилія, не лишали свободы и проч.; остальныя учрежденія къ этому идутъ косвенными путями. Оказывается же, что оно возводитъ въ догматъ какъ разъ то, на искорененіе чего оно предназначено. Карательная система въ нынѣшнемъ видѣ оказывается не неудачнымъ только институтомъ, требующимъ той или иной реформы, не лишнимъ только аппаратомъ въ ряду другихъ, а самоубійственнымъ учрежденіемъ, одно существованіе котораго исключаетъ, по убѣжденію Толстого, возможность нравственныхъ основъ въ общественныхъ отношеніяхъ. Конечно, замыселъ Толстого, какъ реформатора, не въ томъ, чтобы насильственно ниспровергнуть существующій карательный режимъ, а въ томъ, чтобы просвѣтить человѣчество относительно его грѣховности, безъ сознательнаго и добровольнаго отрѣшенія отъ которой въ сторону искренней любви и сострданія къ ближнему, нѣтъ ему спасенія. Люди должны индивидуально и соціально перестать судить другъ друга. Это не значитъ, что они не должны входить въ разборъ поступковъ и побужденій другъ у друга. Напротивъ. Это-то должно рости и углубляться. Въ этомъ отношеніи люди должны судить и быть судимы пуще прежняго. Но только что судить надо не для того, чтобы осуждать, а для того, чтобы понять другъ друга и помогать другъ другу. Дѣло и не въ томъ, чтобы прощать,

а чтобы уразумѣть всякую вину. Переворотъ этотъ можетъ быть достигнутъ, конечно, не революціею, или, если революціею, то не въ смыслѣ насильственнаго ниспроверженія существующаго порядка политическаго или соціальнаго, а революціею міровоззрѣнія въ смыслѣ просвѣтлѣнія ума и сердца и очищенія ихъ отъ неразумія и злобы. Для этого надо не уходить отъ тѣхъ, кого мы винимъ въ грѣхахъ, не ограждать себя отъ нихъ запорами, а приблизиться къ нимъ и войти съ непритворнымъ сочувствіемъ въ ихъ среду. Вотъ мысли, которыя обуреваютъ Нехлюдова послѣ того, какъ онъ лично побывалъ на этапахъ и съ этапными:

Знать, что гдѣ-то далеко одни люди мучаютъ другихъ, подвергая ихъ всякаго рода развращенію, безчеловѣчнымъ униженіямъ и страданіямъ, или впродолженіе трехъ мѣсяцевъ видѣть безпрестанно это развращеніе и мучительство однихъ людей другими—это совсѣмъ другое. И Нехлюдовъ испытывалъ это. Онъ не разъ впродолженіе этихъ трехъ мѣсяцевъ спрашивалъ себя: „я ли сумашедшій, что вижу то, чего другіе не видятъ, или сумашедшіе тѣ, которые производятъ то, что я вижу“? Но люди (и ихъ было такъ много) производили то, что его такъ удивляло и ужасало, съ такой спокойной увѣренностью въ томъ, что это не только такъ надо, но что то, что они дѣлаютъ, очень важное и полезное дѣло,—что трудно было признать всѣхъ этихъ людей сумашедшими; себя же сумашедшимъ онъ не могъ признать, потому что сознавалъ ясность своей мысли. И потому постоянно находился въ недоумѣніи.

То, что впродолженіе этихъ трехъ мѣсяцевъ видѣлъ Нехлюдовъ, представлялось ему въ слѣдующемъ видѣ: изъ всѣхъ живущихъ на волѣ людей посредствомъ суда и администраціи отбирались самые нервные, горячіе, возбудимые, даровитые и сильные, и менѣе, чѣмъ другіе, хитрые и осторожные люди, и люди эти никакъ не болѣе виновные или опасные для общества, чѣмъ тѣ, которые оставались на волѣ, во-первыхъ, запирались въ тюрьмы, этапы, каторги, гдѣ и содержались мѣсяцами и годами въ полной праздности, матеріальной обезпеченности и въ удаленіи отъ природы, семьи, труда, т. е. внѣ всѣхъ условій естественной и нравственной жизни человѣческой. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, люди эти въ этихъ заведеніяхъ подвергались всякаго рода ненужнымъ униженіямъ—цѣпямъ, бритымъ головамъ, позорной одеждѣ, т. е. лишались главнаго двигателя доброй жизни слабыхъ людей—заботы о мнѣніи людскомъ, стыда, сознанія человѣческаго достоинства. Въ-третьихъ, подвергаясь постоянной опасности жизни,—не говоря уже объ исключительныхъ случаяхъ солнечныхъ ударовъ, утопленія, пожаровъ, отъ постоянныхъ въ мѣстахъ заключенія заразныхъ болѣзней, изнуренія, по-

боевъ,—люди эти постоянно находились въ томъ положеніи, при которомъ самый добрый нравственный человѣкъ, изъ чувства самосохраненія, совершаетъ и извиняетъ другихъ въ совершеніе самыхъ ужасныхъ по жестокости поступковъ. Въ-четвертыхъ, люди эти насильственно соединялись съ исключительно развращенными жизнью (и, въ особенности, этими же учрежденіями) развратниками, убійцами и злодѣями, которые дѣйствовали, какъ закваска на тѣсто, на всѣхъ еще не вполнѣ развращенныхъ употребленными средствами людей. И, въ-пятыхъ, наконецъ, всѣмъ людямъ, подвергнутымъ этимъ воздѣйствіямъ, внушалось самымъ убѣдительнымъ способомъ, а именно: посредствомъ всякаго рода безчеловѣчныхъ поступковъ надъ ними самими—посредствомъ истязанія дѣтей, женщинъ, стариковъ, битья, сѣченія розгами, плетьми, выдаванія преміи тѣмъ, кто представитъ живымъ или мертвымъ убѣгавшаго бѣглаго, разлученія мужей съ женами и соединенія для сожительства чужихъ женъ съ чужими мужчинами, разстрѣлянія, вѣшанія,—внушалось самымъ убѣдительнымъ способомъ то, что всякаго рода насилія, жестокости, звѣрства не только не запрещаются, но разрѣшаются правительствомъ, когда это для него выгодно, а потому тѣмъ болѣе позволено тѣмъ, которые находятся въ неволѣ, нуждѣ и бѣдствіяхъ.

Все это были какъ будто нарочно выдуманныя учрежденія для произведенія сгущеннаго до послѣдней степени такого разврата и порока, котораго нельзя было достигнуть ни при какихъ другихъ условіяхъ, съ тѣмъ, чтобы потомъ распространить въ самыхъ широкихъ размѣрахъ эти сгущенные пороки и развратъ среди всего народа. „Точно какъ будто была задана задача, какъ наилучшимъ, наивѣрнѣйшимъ способомъ развратить какъ можно больше людей“, думалъ Нехлюдовъ, вникая въ то, что дѣлалось въ острогахъ и этапахъ. Сотни тысячъ людей ежегодно доводились до высшей степени развращенія и, когда они были вполнѣ развращены, ихъ выпускали на волю для того, чтобы они разносили усвоенное ими въ тюрьмахъ развращеніе среди всего народа.

Въ тюрьмахъ—Тюменьской, Екатеринобургской, Томской, и на этапахъ Нехлюдовъ видѣлъ, какъ эта цѣль, которую, казалось, поставило себѣ общество, успѣшно достигалась. Люди—простые, обыкновенные, съ требованіями русской общественной, крестьянской, христіанской нравственности, оставляли эти понятія и усвоивали новыя, острожныя, состоящія, главное, въ томъ, что всякое поруганіе, насиліе надъ человѣческою личностью, всякое уничтоженіе ея позволено, когда оно выгодно. Люди, пожившіе въ тюрьмѣ, всѣмъ существомъ своимъ узнавали, что, судя по тому, что происходитъ надъ ними, всѣ тѣ нравственные законы уваженія и состраданія къ человѣку, которые проповѣдываются и церковными, и нравственными учителями, въ дѣйствительности отмѣнены, и что поэтому и имъ не слѣдуетъ держаться ихъ. Дорогой Нехлюдовъ узналъ, какъ бродяги,

убѣгая въ тайгу, подговариваютъ съ собой товарищей и потомъ, убивая ихъ, питаются ихъ мясомъ. Онъ видѣлъ живого человѣка, обвинявшагося и признавшагося въ этомъ. И ужаснѣе всего было то, что случаи людоѣдства были не единичны, а постоянно повторялись. Только при особенномъ культивированіи порока, какъ оно производится въ этихъ учрежденіяхъ, можно было довести русскаго человѣка до того состоянія, до котораго онъ былъ доведенъ въ бродягахъ.

„Такъ зачѣмъ же они дѣлаютъ это"? спрашивалъ себя Нехлюдовъ и не находилъ отвѣта.

И что болѣе всего удивляло его, это было то, что все дѣлалось не нечаянно, не по недоразумѣнію, не одинъ разъ, а что все это дѣлалось постоянно, впродолженіе сотни лѣтъ, съ той только разницей, что прежде это было съ рванными носами и рѣзанными ушами, потомъ клейменые, на прутахъ, а теперь въ наручняхъ и движимые паромъ, а не на подводахъ.

Разсужденіе о томъ, что то, что возмущало его, происходило, какъ ему говорили служащіе, отъ несовершенства устройства мѣстъ заключенія и ссылки, и что это все можно поправить, устроивъ новаго фасона тюрьмы,—не удовлетворяло Нехлюдова, потому что онъ чувствовалъ, что то, что возмущало его, происходило не отъ болѣе или менѣе совершеннаго устройства мѣстъ заключенія. Онъ читалъ про усовершенствованныя тюрьмы съ электрическими звонками, про казни электричествомъ, рекомендуемыя Тардомъ, и усовершенствованныя насилія еще болѣе возмущали его.

Узнавъ ближе тюрьмы и этапы, Нехлюдовъ увидалъ, что всѣ тѣ пороки, которые развиваются между арестантами: пьянство, игра, жестокость, и всѣ страшныя преступленія, совершаемыя острожниками, и самое людоѣдство—не суть случайности или явленія вырожденія, преступнаго типа, уродства, какъ это, на руку правительствамъ, толкуютъ тупые ученые, а—есть неизбѣжное послѣдствіе непонятнаго заблужденія о томъ, что люди могутъ наказывать другихъ. Нехлюдовъ видѣлъ, что людоѣдство начинается не въ тайгѣ, а въ министерствахъ, комитетахъ и департаментахъ, и заключается только въ тайгѣ...

Для переворота, о которомъ заботится Толстой, нужно поэтому перемѣну, пока преобладающихъ у людей, побужденій и чувствъ, равную полному перерожденію. Надо духовнымъ свойствамъ сочувствія и безкорыстія взять верхъ надъ тѣлесными интересами, питающими злобу и мстительность. Въ этомъ и состоитъ „Воскресеніе".

Сценка съ голубемъ въ началѣ романа, когда Маслову ведутъ изъ тюрьмы по городскимъ улицамъ на судъ, въ

этомъ смыслѣ служитъ какъ бы символическимъ предвосхищеніемъ ея грядущаго:

Проходя мимо мучной лавки, передъ которой ходили, перекачиваясь, никѣмъ не обижаемые голуби, арестантка (Маслова) чуть не задѣла ногою одного сизяка; голубь вспорхнулъ и, трепеща крыльями, пролетѣлъ мимо самаго уха арестантки, обдавъ ее вѣтромъ. Она улыбнулась, и потомъ тяжело вздохнула, вспомнивъ свое положеніе.

Любопытно то сродство въ личномъ строѣ проповѣднической души, которое существуетъ между Толстымъ и тюремнымъ филантропомъ прошлаго столѣтія — Джономъ Говардомъ. Будучи пуританиномъ, Говардъ не могъ переносить оскверненія, которому, по его убѣжденію, подвергалась въ Италіи христіанская религія внѣшней обстановкой и церковными обрядами. Послѣдніе годы жизни онъ питался только растительной пищею, воздерживаясь отъ вина и всякихъ спиртныхъ напитковъ. Онъ былъ также противъ претензій точной науки (напр., геологическихъ изысканій), находя, что она сбиваетъ людей съ пути истинной христіанской морали. Наконецъ, какъ бы для вящаго сходства, имѣется въ біографіи Говарда слѣдуюшая подробность. Какъ пуританинъ, онъ, подобно своимъ предкамъ, составлялъ свой covenant, т. е. торжественное условіе своего подчиненія Богу. Возобновилъ онъ его и скрѣпилъ въ послѣдній разъ своей подписью въ 1789 г. *въ Москвѣ*. Недаромъ, выходитъ, графиня Чарская встрѣчаетъ Нехлюдова шутливымъ замѣчаніемъ: „Vous posez pour un Howard".

Про главный трудъ Говарда „The State of prisons in England and Wales", появившійся въ 1777 г., Спасовичъ говоритъ слѣдующее: „Это сочиненіе, въ высшей степени замѣчательное въ своемъ родѣ,—одно изъ главныхъ произведеній XVIII вѣка, оно трудъ автора, который совсѣмъ не былъ ни ученымъ, ни литераторомъ. Никогда еще книга чисто описательная, наполненная статистическими данными, объективная какъ дѣловой отчетъ, избѣгающая всякаго выраженія личныхъ чувствъ, не имѣла въ Англіи подобнаго успѣха не между спеціалистами, а въ массѣ публики. Она заслужила этотъ успѣхъ своей необычайной простотою; въ

ней чувствуется правдивость изложенія фактовъ“. И далѣе: „примѣръ Говарда дорогъ потому, что доказываетъ, что̀ можетъ иногда совершить частный человѣкъ, не имѣющій оффиціальнаго характера, ни власти, по своему личному почину, когда онъ упорно работаетъ для добра“.

Это, какъ и остальныя сочиненія Говарда на ту же тему, имѣли огромное значеніе и оказали существенное практическое вліяніе въ тюремномъ дѣлѣ. Но, какъ видно, его пріемъ изслѣдованія и пропагандированія, а, главное, его исходная точка зрѣнія на задачу наказаній вообще [1]), не могли имѣть исчерпывающаго значенія, и потому черезъ сто съ лишнимъ лѣтъ еще оказались возможными въ культурной странѣ такіе порядки содержанія преступниковъ и такое обращеніе съ ними, какіе намъ изображаетъ Толстой. Тутъ-то беллетристическій пріемъ со своимъ избыткомъ личныхъ чувствъ, заставляющій каждаго читателя какъ бы самого переживать описываемое, неизмѣримо сильнѣе и убѣдительнѣе, въ особенности при хрустальной чистотѣ души, искренности и правдивости нашего автора. Заставить полюбить человѣка въ арестантскомъ халатѣ могъ только художникъ.

О безплодности и о жестокости наказанія говорили и говорятъ многіе. Новое освѣщеніе этому дано Толстымъ тѣмъ, что онъ эту жестокость и безплодность привелъ въ связь съ самой сущностью уголовнаго *процесса.* Наглядность даже старыхъ истинъ отъ этого получилась совершенно новая, можно сказать, новехонькая.

Мысли Толстого о судебномъ процессѣ кажутся намъ странными при всеобщемъ убѣжденіи, что процессъ есть плодъ борьбы, которую ведетъ общество съ преступникомъ, а борьба не можетъ происходить иначе. Но опять-таки

[1]) „Никогда“, говоритъ по этому поводу Спасовичъ, „не ставилъ онъ себѣ головоломнаго вопроса о логическомъ основаніи права наказывать. Въ его глазахъ наказаніе не нуждалось въ доказательствахъ—оно входитъ какъ составная часть въ предустановленный Богомъ порядокъ“.

должно напомнить, что для Толстого установившаяся точка зрѣнія не указъ; что онъ мыслитъ и—главное—чувствуетъ условія и отношенія совершенно внѣ общепринятаго, если только они согласуются съ требованіями душевной доброты.

Всякимъ представленіямъ и мечтамъ объ иной расправѣ съ преступниками, чѣмъ нынѣшняя, обыкновенно противопоставляется увѣренность, что человѣку присуща жажда мести за обиду въ формѣ того или другого мученія обидчику и что, поэтому, требованіе возмездія есть какъ бы одинъ изъ китовъ, на которыхъ стоитъ общественный союзъ, доколѣ онъ хочетъ удовлетворять своему назначенію. Для Толстого этотъ китъ вовсе не такой необходимый и требованіе мучительства для обидчика вовсе не фундаментальная потребность человѣческой натуры. Въ оправданіе такого отрицательнаго къ этому отношенія умѣстно будетъ привести слѣдующую антропологическую справку.

Изслѣдователь Кранцъ, прожившій въ прошломъ столѣтіи долгое время среди гренландскихъ самоѣдовъ, сообщаетъ, что въ то время среди этого народа взаимные споры разрѣшались только путемъ пѣсенъ и пляски подъ именемъ пѣсеннаго поединка. Когда гренландецъ чувствуетъ себя обиженнымъ, онъ не обнаруживаетъ ни малѣйшаго слѣда досады или злобы и еще меньше ищетъ мести, а, вмѣсто того, занимается сочиненіемъ сатирической пѣсни на своего обидчика; пѣснь эту въ сопровожденіи пляски онъ такъ долго повторяетъ среди своихъ близкихъ, пока всѣ заучиваютъ ее наизусть. Тогда онъ возвѣщаетъ повсюду вызовъ своему противнику на поединокъ, но не на мечахъ, а въ пѣснѣ. Противникъ является на условленную арену, которую окружаетъ публика. Тогда обвинитель подъ аккомпаниментъ барабана, поетъ свою сатиру, заключительныя строфы которой подтягиваютъ хоромъ его близкіе; въ ней онъ высказываетъ противнику въ игривой формѣ всякую горькую правду, отчего окружающіе покачиваются отъ смѣха. Когда онъ кончаетъ свою эпиграмму, выступаетъ точно также его противникъ, пѣснею возражая на нападки и осмѣивая, въ свою очередь, обвинителя; ему вторитъ хоръ его близ-

кихъ, покачивающійся отъ смѣха. Обвинитель снова приступаетъ къ обличительному возраженію въ томъ же родѣ, и это продолжается до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ нихъ не окажется ужъ болѣе неспособнымъ на реплику. Оставшагося побѣдителемъ присутствующіе поздравляютъ и награждаютъ лаврами; противники же послѣ этого становятся снова друзьми. Существованіе этой оригинальной формы суда въ восточной части Гренландіи недавно еще подтвердилъ Нансенъ, высказывающій при этомъ сожалѣніе, что ее вывели изъ западной части католическіе миссіонеры.—Конечно, такая форма рѣшенія споровъ намъ кажется просто невѣроятною, какою-то причудой, свойственной не нормальной человѣческой природѣ, а холоднымъ ублюдкамъ человѣческаго рода, прозябающимъ въ снѣгу и льдахъ полярнаго круга. Оказывается, однако, что точь-въ-точь та же форма пѣсеннаго поединка констатирована у древнихъ обитателей Аравіи, т. е. и подъ тропиками [1]).

Слѣдовательно, подводить окончательные итоги тому, на что способна человѣческая природа и на что нѣтъ, по чувствамъ однихъ современниковъ, не должно. Въ области уголовнаго возмездія обобщенія, основанныя на однѣхъ чертахъ современнаго строя, тѣмъ менѣе были бы вѣрны, что вѣдь изъ исторіи уголовнаго права всѣхъ культурныхъ народовъ извѣстно, что повсюду вслѣдъ за кровавою местью слѣдовалъ неизмѣнно и очень продолжительно періодъ такъ-называемыхъ композицій, выкупа, когда чувство обиженнаго и его родныхъ, а равно и общественной власти, получало полное удовлетвореніе простою платою за преступленіе безо всякаго мучительства надъ обидчикомъ, когда существовала такса за разные виды преступленій и уплата по таксѣ фигурировала въ дѣлѣ правосудія вмѣсто алчущей крови мести.—Противъ отрицательнаго отношенія къ уголовнымъ наказаніямъ нерѣдко, затѣмъ, услышать возраженіе: чѣмъ же можно ихъ замѣнить? Съ точки зрѣнія, на которой находится Толстой, это доводъ, незаслуживающій

[1]) S. R. Steinmetz „Ethnologische Studien zur ersten Entwicklung der Strafe“ v. II, s. 69, 76.

никакого вниманія. Вѣдь если бы, напримѣръ, по новымъ изслѣдованіямъ оказалось, что хининъ, которымъ лѣчатъ отъ лихорадки, не только не противодѣйствуетъ болѣзненнымъ процессамъ въ организмѣ, а ихъ усиливаетъ, неужели кто-нибудь сталъ бы утверждать, что хининъ тѣмъ не менѣе нужно еще продолжать давать отъ лихорадки, доколѣ не найдено отъ нея другого средства? Наконецъ, должно имѣть въ виду, что взоръ Толстого направленъ теперь не столько на то, можетъ ли человѣкъ прійти въ такое состояніе, когда онъ способенъ самъ убить ближняго, какъ на то, сколь противоестественно относительно своего ближняго положеніе людей, отдающихъ приказаніе: „на-те, уберите, изведите его“; а таковъ, фигурально говоря, всякій приговоръ объ уголовномъ наказаніи; приговоръ же о смертной казни даже буквально таковъ.

Принявъ все это во вниманіе и довѣряя чутью Толстого относительно того, что присуще, а что нѣтъ, живой и здоровой человѣческой натурѣ, нельзя не признать, что онъ своей проповѣдью на защиту наказываемыхъ произвелъ живительный переворотъ въ вопросѣ о наказаніи. Онъ окажется сдѣлавшимъ больше своимъ романомъ, чѣмъ самые гуманнѣйшіе изъ курсовъ тюрьмовѣдѣнія, чѣмъ самые людные пенитенціарные конгрессы: онъ далъ почувствовать, что искать исправленія должны, прежде всего, тѣ, кто берется исправлять другихъ.—Что причиной преступленія является не злая воля преступниковъ, какъ это понималось раньше, и что исправленіе преступниковъ должно состоять не только въ причиненіи имъ страданій, это теперь признается уже всѣми; открывшіяся подъ вліяніемъ этого новыя цѣли стараются достигнуть усовершенствованными пенитенціарными тюрьмами. Толстой же подошелъ къ этому вопросу съ другого конца и далъ осязательно почувствовать, что причина зла не тамъ, гдѣ ее ищутъ, а что безуспѣшность борьбы съ нимъ есть роковое послѣдствіе неправильнаго направленія умовъ. То, что привыкли видѣть въ двухъ измѣреніяхъ, тутъ обнаружило свое третье измѣреніе. Наказаніе, слѣдующее за преступленіемъ не по законамъ естества, а только въ силу требованій грѣховныхъ началъ су-

ществующаго сожительства людей, нуждается, вѣдь, въ исполнителѣ. И, вотъ, всѣ: судья, постановляющій уголовный приговоръ, полицейскій, стерегущій виновнаго, тюремщикъ, держащій его подъ замкомъ, палачъ, убивающій его,— всѣ они, не взирая на, лишь голосъ совѣсти заглушающую, ссылку ихъ другъ на друга, являютъ собою въ совокупности этого исполнителя. Эта-то перспектива рельефно обрисовываетъ въ вопросѣ о преступленіи и наказаніи, такъ сказать, новое измѣреніе. Центръ тяжести не въ томъ, насколько успѣшно или безуспѣшно дѣйствуютъ разные виды наказаній, а въ томъ, каково моральное дѣйствіе наказаній на произносящихъ приговоры о наказаніи и на приводящихъ эти приговоры въ исполненіе [1]). Наказывающіе должны раньше исправить себя, чѣмъ наказывать другихъ; они должны, такъ сказать, свою собственную совѣсть отправить въ пенитенціарное заведеніе,—произвести себѣ „чистку души", какъ это называлъ Нехлюдовъ,—прежде, чѣмъ брать себѣ право подвергать другихъ насильно разнымъ лишеніямъ въ цѣляхъ исправленія. Этому, конечно, діаметрально противоположно душевное настроеніе, въ которомъ, готовясь къ засѣданію, находился предсѣдательствовавшій по дѣлу Масловой, когда онъ въ своемъ судейскомъ кабинетѣ, послѣ упражненія гирями и предъ остававшимся еще сдѣлать упражненіемъ подъ названіемъ мулинэ, съ чувствомъ полнаго удовлетворенія, размышлялъ, нащупывая лѣвой рукой напруженный мускулъ правой, о томъ, что „ничто такъ не поддерживаетъ (это для судейскаго-то дѣла!), какъ обливаніе и гимнастика".

Исторіей двигаетъ не умъ, а чувства. И походъ Толстого противъ уголовной репрессіи ведется не столько аргументами разума, доказательствами того, что ею никогда не достигалось, не достигается и теперь искорененіе преступленій, сколько возбужденіемъ чувства жалости къ жертвамъ этой репрессіи, которая оказывается въ дѣйствительности не дѣломъ проникновеннаго и здраваго взгляда на вещи, а какой-

[1]) Не мѣшаетъ тутъ вспомнить, что въ Россіи однихъ тюремныхъ надзирателей съ помощниками безъ малаго 11.000 человѣкъ.

то недостойной, морально ребяческой, игрой свободою, здоровьемъ и жизнью ближняго. Толстой ополчается противъ уголовнаго возмездія такъ, примѣрно, какъ поступилъ бы проповѣдникъ противъ шахматной игры, который не только бы доказывалъ, что напускная серьезность этой игры, требующая, правда, отъ человѣческаго ума, и терпѣнія, и сосредоточенности, и вообще значительныхъ интеллектуальныхъ способностей, не оправдывается суетностью ея результатовъ,—а который для этого еще облекъ бы плотью и кровью всѣ пѣшки и другія фигуры шахматной доски и сталъ бы показывать, какъ онѣ подъ пальцами играющихъ страдаютъ, мучаются и умираютъ, когда ихъ по условнымъ правиламъ игры преслѣдуютъ на доскѣ и затѣмъ выбрасываютъ за бортъ этой доски. Толстой не только доказываетъ, что, сколько бы по условнымъ началамъ уголовнаго права и процесса ни повторять явленіямъ преступности угрожающаго шаха, мата этими средствами имъ никогда не дать, но, оживотворяя душевныя состоянія всѣхъ причастныхъ къ уголовной расправѣ фигуръ, заставляетъ также глубоко почувствовать всю противоестественность для сердца, а не только для ума человѣческаго, причиняемыхъ этой расправою нарочитыхъ страданій.—Воспитывать чувства человѣчества, давать имъ новое содержаніе или направленіе—вотъ величайшее изъ призваній. Въ этомъ отношеніи вліяніе „Воскресенія" колоссально и неизмѣримо. Достаточно уже того, если теперь подъ этимъ вліяніемъ,—а это навѣрно, —никто не сможетъ безъ нравственной муки видѣть проходящій этапъ арестантовъ или пересыльныхъ, звенящихъ цѣпями, въ наручняхъ и съ прочими аксесуарами. Всеобщимъ станетъ то чувство, которое испыталъ мальчикъ въ богатой коляскѣ, задержанной шествіемъ пересыльныхъ по Москвѣ, когда—какъ это такъ живо изображено въ романѣ— у него подъ вліяніемъ неотразимо жуткаго впечатлѣнія видимаго „все больше и больше распухали губы"; но станетъ это чувство всеобщимъ безо всякаго конфуза, безъ того конфуза, подъ вліяніемъ котораго этотъ мальчикъ дѣлалъ большія усилія, чтобы не заплакать, „полагая, что плакать въ такихъ случаяхъ стыдно". И прежде картина эта вызы-

вала душевное смятеніе у встрѣчныхъ, но все же было въ этомъ больше всего любопытства; а теперь каждый невольно закроетъ предъ этимъ зрѣлищемъ глаза, какъ бы на себѣ чувствуя отвѣтственность за этотъ ужасъ. Ту нравственную тошноту, переходящую въ физическую, которую испытывалъ въ тюрьмѣ, на этапахъ и вездѣ въ подобныхъ случаяхъ Нехлюдовъ, почувствуютъ всѣ. Это уже величайшая изъ реформъ; тѣ формы, какія можетъ создать подъ этимъ вліяніемъ жизнь, тутъ имѣютъ второстепенное значеніе. Не должно больше существовать то, что есть; а чѣмъ оно замѣнится, вопросъ иной [1]). Главная цѣна книги Толстого—въ пробужденіи добрыхъ чувствъ межъ людей. Роль „Воскресенія“ въ борьбѣ съ уголовнымъ рабствомъ, воплощаемымъ нынѣшней системой наказаній, будетъ навѣрно такая же, какую въ свое время сыграла въ борьбѣ съ невольничествомъ „Хижина дяди Тома“ Бичеръ Стоу; причемъ задача Толстого куда труднѣе, такъ какъ онъ изобличаетъ жестокость учрежденія, признаваемаго еще повсюду нормальнымъ и даже необходимымъ, тогда какъ Бичеръ Стоу негодовала противъ явленія, собственно уже признаннаго за уродство и позоръ всѣмъ культурнымъ міромъ. Въ этомъ отношеніи отдѣльныя неправильности въ кругозорѣ Толстого, будь у него ошибки и даже заблужденія, ничего не умаляютъ въ душевной и сердечной сторонѣ. Это новое его произведеніе вновь доказало, что въ умѣніи пробуждать сочувствіе, любовь, и, главное, гуманныя душевныя стремленія и наклонности онъ не имѣетъ себѣ равнаго; что у него, какъ ни у кого другого изъ писателей, читатель дѣлается по мѣрѣ чтенія самъ все добрѣе и добрѣе.

---

[1]) Въ настоящее время имѣются, притомъ, и строго научныя, на отвлеченныхъ данныхъ построенныя, сочиненія, также безусловно отрицательно относящіяся къ существующей системѣ наказаній; таково, напр., вышедшее въ 1896 и 1897 г.г. двухтомное капитальное изслѣдованіе профессора Варга „Zur Abschaffung der Strafknechtschaft“, „Къ отмѣнѣ уголовнаго рабства“, требующее немедленной отмѣны наказаній и считающее достаточнымъ замѣну ихъ системой особо организованнаго попечительства.

Подъ концомъ романа подпись гласитъ:

„Москва, 12-го декабря 1899 г.“.

Кажется, нельзя не признать, что въ указанномъ отношеніи это произведеніе Толстого, которое Россія съ гордостью можетъ назвать своимъ и которое явилось, такимъ образомъ, въ самомъ исходѣ минувшаго столѣтія, составляетъ одну изъ замѣчательнѣйшихъ, если не самую замѣчательную книгу XIX вѣка.